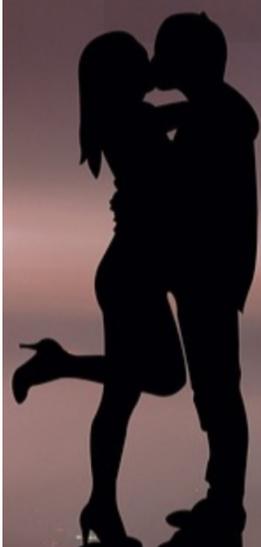

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Влада Ольховская

Влада Ольховская
Городские легенды

«Влада Ольховская »

2019

Ольховская В.

Городские легенды / В. Ольховская — «Влада Ольховская », 2019

После жестокого предательства Римма покинула родной город – как ей казалось, навсегда. Четырнадцать лет спустя приглашение сестры заставляет ее вернуться, чтобы забыть о давней ссоре. Римма знает, что ее ждет сюрприз на день рождения, но даже не подозревает, что сюрприз этот – ее бывший возлюбленный, прикованный к стене заброшенного дома. Человек, который стал главным мужчиной ее жизни, не узнает ее, а может, делает вид, что не узнает. Но расстаться второй раз им будет не так просто: с этого дня они связаны проклятием городских легенд. Чтобы освободиться, они должны разрушить ведьминские чары – или погибнуть.

© Ольховская В., 2019

© Влада Ольховская , 2019

Содержание

1. Черный дом	5
2. Ядовитая леди	16
3. Кровавая Мэри	26
4. Добрый самаритянин	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Влада Ольховская

Городские легенды

1. Черный дом

К стене подвала ржавыми цепями был прикован молодой мужчина, на полу горели черные восковые свечи, а на небольшом столике дожидался своего часа изогнутый ритуальный нож. Не таким Римма представляла себе возвращение в родительский дом, совсем не таким.

Шок был настолько велик, что, спустившись в подвал, она просто застыла возле лестницы. Она рассматривала уставшего мужчину, он смотрел на нее, хотя вряд ли мог разглядеть: их разделяло яркое пламя свечей. Для него Римма, скорее всего, была неясным силуэтом, появившимся со стороны выхода. А он для нее должен был стать несчастным незнакомцем – вот только незнакомцем он не был.

Римма узнала его, даже через годы. Сколько они не виделись? Пожалуй, половину жизни! Ей было шестнадцать, когда она бежала от него, а сегодня утром ей исполнилось тридцать. И все же Римма никак не рассчитывала на эту встречу; напротив, она была уверена, что их пути никогда больше не пересекутся, потому что Данил Тальников был символом всего, что в ее жизни пошло не так.

Но это не значит, что она собиралась оставлять его здесь связанным. Оправившись от первого удивления, Римма поспешила к нему. Карие глаза пленника смотрели настороженно и зло, он попытался что-то сказать, но полоска плотного скотча превратила его слова в бессвязное мычание. Впрочем, по тону можно было догадаться, что Данил не просит ее о помощи – он пытается ее упрекать, словно это она виновата в его бедах! Он даже попробовал отшатнуться, однако цепи держали крепко.

– Да не дергайтесь вы! – возмутилась Римма. – Я пытаюсь вам помочь!

Он присмотрелся к ней внимательней и успокоился. Должно быть, наконец рассмотрел, кто перед ним, сообразил, что не Римма приволокла его сюда. Но уже то, что он принял ее за свою мучительницу, наталкивало на крайне неприятные выводы.

Этот дом когда-то принадлежал родителям Риммы, здесь прошло ее детство, здесь остались самые счастливые годы, к которым она иногда осторожно возвращалась в воспоминаниях. Первой семейное гнездо покинула она – как раз из-за типа, прикованного к стене. Потом на юг перебрались пожилые родители, и дом достался старшей дочери, сестре Риммы, а пару лет назад он сгорел. В пожаре никто не пострадал, его владелица, не бедствовавшая, перебралась в новое жилище. А дом так и остался стоять на холме – черный призрак счастливых времен.

Тем больше было удивление Риммы, когда Вест позвала ее сюда.

– Это будет так символично! – убеждала она сестру. – В день своего рождения вспомнишь детство, разве это плохо? Отчий дом и все такое!

– Это не дом, а головешка.

– Не преувеличивай, а? Да, огонь его потрепал, но этот дом до скончания времен стоит, он крепкий. А подвал и вовсе не пострадал, чему там гореть, бетон один!

– Ты уверена, что нашу первую встречу за много лет нужно проводить в подвале?

– Это будет круто, ты что! Там тебя ждет сюрприз!

Наконец Римма согласилась. Она уже привыкла к тому, что у сестры свои странности – всегда так было. Но она была убеждена, что ничего страшного в такой встрече не будет, а сюрприз станет безобидным! Она никак не ожидала, что на день рождения сестрица преподнесет ей сатанинский обряд.

Самой Вест нигде не было, однако Римме сейчас было не до нее. Она подбежала к пленнику и осторожно перехватила уголок скотча, закрывающего его рот.

– Сейчас будет больно, – предупредила она.

Данил раздраженно кивнул, всем своим видом показывая, что плевать ему на боль, лишь бы это все скорее закончилось. Римма резко сорвала скотч, а пленник даже не крикнул – хотя усы и борода его участь не облегчили. Должно быть, он сейчас был настолько зол, что не чувствовал боли.

– Какого черта здесь происходит? – раздраженно поинтересовался он.

– Вы мне скажите, я только пришла!

– Кто вы такая?

– Я когда-то жила в этом доме, – растерянно отозвалась Римма.

Она смотрела в его глаза, пытаясь найти хотя бы тень узнавания. Бесполезно. Данил не притворялся, он действительно ее не помнил. Римма понимала, что ситуация жуткая, сейчас не до личных обид, и все равно в душе уже набирала силу былая горечь.

«Как ты мог не узнать? – вертелось в голове. – Это ведь я, я!»

Римма усилием воли отогнала эти мысли. Она, по сути, оказалась на месте преступления, тут уже не до обид!

– Освободите меня, чего стоите? – поторопил Данил.

Он снова рванулся в цепях, но напрасно, он лишь наполнял пустой зал подвала звоном.

– Где ключ?

– Понятия не имею! Это все какой-то бред!

– А поподробней нельзя? – уточнила Римма.

– Сам бы не отказался узнать! Я приехал на встречу по работе – дамочка, представительница нового поставщика, назначила. Мы договорились пересечься возле склада, я добрался, ее не было. Потом пошел какой-то дым и странный запах, я отрубился, а очнулся здесь. Говорите, вы жили в этом доме? Тогда вы, пожалуй, знаете об этом побольше, чем я!

– Да ничего я не знаю, я только приехала!

Что ж, похоже, он не видел Вест и не знает, что за похищением стоит она. Уже неплохо – возможно, еще удастся спасти безумную сестрицу от тюремного срока! Но для начала Римме нужно было освободить пленника. Она видела, что Данил непривычно бледен, что взгляд у него не совсем ясный. Какой бы химией на него ни воздействовали, она еще в крови, ему срочно нужно в больницу.

Однако порвать цепи руками Римма не могла – какое там! Даже с веревками было бы проще: их можно перерезать. А с добротным, пусть и тронутым ржавчиной металлом разве что напильник справится, которого у Риммы не было, оставалось надеяться лишь на ключ.

Но долго его искать не пришлось. Ключ, небольшой, черный, очень старый, обнаружился на столике рядом с ритуальным ножом. Да и не только он: там же лежало письмо, написанное почерком Вест. Римма повернулась к Данилу спиной, чтобы он ничего не увидел, и развернула сложенный вдвое листок.

«Момент истины настал, сестренка. Я дарю тебе того, кто разрушил твою жизнь. Но это не только подарок, это испытание для тебя. Перед собой на столе ты видишь два предмета. Ключом тебе кажется только один, но на самом деле это два ключа – к правильному и неправильному решению.

Ты никогда не была сильна в загадках, поэтому я подскажу тебе. Неправильное решение – это ключ. Освободи его, отпусти, наживи неприятностей нам обоим. Утрись, как утерлась когда-то, будь хорошей девочкой – и тряпкой, об которую вытирают ноги, до окончания времени.

Правильное решение – это нож. Отомсти тому, кто так много у тебя отнял. Одного удара хватит! Ни о чем не беспокойся: его тело никогда не найдут, тебя не заподозрят и не обвинят. А ты сможешь отомстить и наконец-то будешь свободна!

Решайся, малышка Ри. Это тот самый шанс, который судьба дает один раз в жизни. С любовью, Вест».

Римма глазам своим поверить не могла. Она перечитала письмо еще раз, надеясь, что ошиблась, не так что-то поняла. Нет, все так! Ее сестрица, похоже, сошла с ума и с годами безобидные странности Вест превратились в какую-то шизофрению.

Нет, в чем-то Вест была права, у Риммы действительно хватало причин злиться на Данила Тальникова. Да она и злилась! У каждого в жизни бывает не слишком приятный момент, когда он сталкивается с первым большим разрушением мечты. Из-за Данила у Риммы этот момент случился в шестнадцать лет.

Данил был ее одноклассником. Она не бралась сказать, когда именно стала выделять его в толпе, когда начала засматриваться на него, когда влюбилась. Это не было громом среди ясного неба, все произошло постепенно, будто само собой. Она просто почувствовала, что он нравится ей, что ей хотелось бы видеть его рядом с собой, говорить с ним.

Она была слишком стеснительной, чтобы подойти к нему первой. Да она ни на что толком и не надеялась! Где она, а где первый красавчик класса? Римма была счастлива уже тем, что украдкой наблюдала за ним через волны русых волос, за которыми она пряталась от всего мира.

И тем больше было ее удивление, когда он сам однажды подошел к ней. Сначала – из-за какого-то школьного проекта, не слишком важного, в котором ему мог помочь кто угодно, а он выбрал ее. Они начали общаться, и скоро Данил звонил ей уже просто так, потому что ему хотелось. Римма никак не решалась поверить своему счастью, искала подвох – и не находила. Она научилась принимать подарки судьбы, перестала стесняться, и тогда ей стало намного легче. У нее появились друзья, она без труда общалась с приятелями Данила, а его, кажется, нисколько не смущало то, что она не первая красотка их городка. А может, для него она была красивой?

Они никогда не обсуждали, что да почему, просто встречались и все, и обоим это нравилось. Римма любила его – преданно и отчаянно, так любить можно только впервые. Данил никогда не говорил ей, что чувствует, не объяснялся, но это было не в его характере. Порой это мучало Римму, а иногда казалось вполне естественным. Зачем вообще нужны слова, если ее душа знает все ответы?

Мир был ярким и удивительным, дни, проведенные рядом с ним, – незабываемыми. Первый поцелуй застал Римму врасплох, но вместе с тем стал своего рода печатью, гарантией того, о чем они не говорили. Данил всегда был внимательным и нежным. Она знала, что может остановить его, оттолкнуть. Но в ту ночь она и не собиралась этого делать... Впервые в жизни она позабыла и об осторожности, и о нотациях родителей, она позволила себе наслаждаться моментом, и это была лучшая ночь в ее жизни.

Вот тогда все и пошло не так. Данил неожиданно отстранился от нее, смотрел прямо сквозь нее, словно и не видел. Они почти не общались, но от общих друзей Римма выяснила, что он рассказывает об их ночи всем подряд. Он был для нее всем, она для него – завоеванием, причем недостаточно важным, чтобы добиваться ее снова.

Это был не тот Данил, которого она знала и любила. Римма все не могла поверить, что он такой – а не верить не получалось. Неужели она могла быть такой слепой? Неужели он был таким с самого начала, а она просто отказывалась видеть?

Воздушный замок рухнул. Та вера в себя, которую Римма обрела благодаря Данилу, была уничтожена. Остались только осколки разбитых надежд, косые взгляды общих знакомых и насмешки за ее спиной. Она пыталась спрятаться от всего этого, она носила только свободную

одежду и завешивала лицо длинными волосами. Не помогало. Она чувствовала себя грязной, никому не нужной, осмеянной.

Она уже не могла улыбаться, просто не получалось. В голове стали мелькать не самые хорошие мысли – например, о том, как просто закончить весь этот ад одним шагом с крыши. Римма была на грани.

К счастью, родители вовремя заметили ее состояние. Они поспешно отправили ее в Москву к тетке – одинокой, жесткой и успешной. Она и спасла Римму, но не сочувствием, а одним простым принципом: «Не трать время на то, чтобы жалеть себя. Трать время на то, чтобы изменить себя. Времени мало, детка, работай на результат».

И Римма работала. Она пошла в новую школу, записалась в танцевальную студию, начала ходить по кастингам моделей. Было ли ей это важно? Нет, не слишком, и она даже не надеялась на успех, но ей нужно было оставаться занятой, постоянно отвлекать себя чем-то, только так она могла спастись от прошлого.

Ее усилия дали неожиданные плоды. Занятия танцами превратили ее из пухленькой, вечно горбящейся девочки в стройную длинноногую девушку, инструктор подсказала ей, что русский цвет – это не ее, и она решилась обрезать длинную косу, сменив ее на эффектную короткую стрижку. Угольно-черные пряди подчеркивали ее аристократичную бледность, а ее разноцветные глаза теперь казались совсем уж огромными и эльфийскими. За одной переменной последовала другая: очередной кастинг увенчался успехом, Римму пригласили на съемки.

Она работала, училась, позже – путешествовала. Она снова поверила в себя и могла без кокетства сказать, что она красива. Она побывала на всех континентах, а ее банковский счет за эти годы заметно подрос. Она была счастлива и лишь изредка, под настроение, позволяла себе обернуться назад и почувствовать легкую светлую грусть.

Римма не собиралась возвращаться. Она давно уже отпустила Данила, предавшего ее, и всех их общих друзей, с легкостью отвернувшихся от нее. Она не таила злобу и не рвалась к мести. И она уж точно не хотела такого подарка на день рождения!

Так что состояние Вест теперь серьезно беспокоило ее, но с этим можно было разобраться позже. Римма подожгла письмо от пламени свечей и бросила его на каменный пол: при всем сумасшествии сестры, она все равно любила Вест и не собиралась подставлять перед полицией. После этого Римма уверенно подхватила ключ, даже не касаясь ритуального кинжала. Откуда у Вест вообще такие вещи?!

– Наконец-то! – проворчал Данил. – Я уж думал, вы там заснули!

– Простите, последний раз я отстегивала цепи, когда брала тележку в гипермаркете! – огрызнулась Римма. – Мне все это тоже не очень-то приятно!

Она постоянно оглядывалась по сторонам, опасаясь, что Вест здесь и может в любой момент напасть. Однако пока все указывало на то, что они в подвале одни.

Когда цепи были сброшены, Данил попытался сделать шаг от стены, но чуть не упал, и Римме пришлось подставить ему плечо.

– Проклятье, – процедил он сквозь сжатые зубы.

– Что с вами?

– Похоже, та дрянь, которой меня накачали, все еще держит!

– Давайте я вызову «скорую»...

– Не надо пока никого вызывать! Я хочу просто свалить отсюда, потом будем разбираться.

Вы на машине?

– Да, у дома стоит, – кивнула Римма.

– А мою машину вы там не видели?

– Нет.

– Должно быть, осталась у склада... Отвезите меня в больницу!

Он стоял рядом, касался ее, смотрел ей в глаза – и все равно не узнавал ее! От этого было так обидно, что хотелось даже бросить его здесь. Не бить этим проклятым кинжалом, а просто оставить в подвале, и пусть ползет к выходу сам. Римме слишком сложно было поверить, что человек, расчертивший ее жизнь на «до» и «после», может вот так ее не узнать.

Она не собиралась поддаваться этому капризу. Годы самостоятельной жизни научили ее быть сильной, и Римма осталась верна себе. Продолжая поддерживать Данила, она провела его через подвал к лестнице, а оттуда – к выходу из дома. Тушить свечи Римма не собиралась: вряд ли угли, оставшиеся от здания, могут загореться по второму разу. А может, оно и к лучшему, если загорятся. Все равно жуткое черное строение было мало похоже на дом из ее воспоминаний.

Уходя, Римма не выдержала, обернулась. На фоне черного неба перед ними возвышался черный дом – едва различимый во тьме, мертвый, как будто чужой. Возвращение сюда никак не могло стать возвращением в прошлое, потому что прошлое уходит навсегда.

Данил тем временем продолжать возмущаться:

– Не знаю, чья это шуточка, но просто так я дело не оставлю! Та идиотка, что это затеяла, пожалеет, что на свет родилась!

– Меня не обвиняете – и на том спасибо, – вздохнула Римма.

– Не я буду разбираться, какую роль вы во всем этом играете, для такого есть полиция!

– Очень мило.

Он покосился на нее, извиняться не стал, но наконец замолчал. Некоторое время они ехали в тишине; Римма отчаянно сжимала руль, заставляя себя сосредоточиться лишь на настоящем моменте. Нельзя думать о тех годах, символом которых был Данил. Нельзя обвинять его за то, что он ее не узнал. Нельзя бояться за судьбу Вест, для этого будет более подходящее время. И уж точно нельзя плакать из-за того, что ее тридцатый день рождения был безнадежно испорчен – она ведь слишком взрослая для этого!

Большую часть дороги Данил угрюмо молчал, и лишь когда они подъехали к больнице, он тихо сказал:

– Пожалуй, я был слишком резок с вами – если вы, конечно, действительно не имеете к этому отношения.

– Отстаньте, а? – устало попросила Римма. – И без вас день хреновый.

– Вы просто сказали, что это ваш дом...

– А похоже, что сейчас это чей-то дом? Это был мой дом, до того, как он сгорел. После того, как он сгорел, там даже тараканам, подозреваю, неуютно.

– Но вы все равно оказались там сегодня, – напомнил Данил.

– Потому что получила анонимное приглашение. Мол, приезжай – сюрприз будет. У меня сегодня день рождения, есть эдакий легкий повод ожидать сюрпризов, поэтому я повелась на провокацию, уж простите!

– Да ладно... это вы меня, того... извините, – неловко отозвался Данил. – Как вас зовут?

– Римма.

Снова мелькнула надежда, что он вспомнит ее. Имя ведь не самое распространенное, правда? И он когда-то произносил его с такой любовью – по крайней мере, Римме казалось, что с любовью. Разве это ничего не значило? Совсем ничего?

Оказалось, что нет. Она не смотрела на него, но наблюдала за его отражением в зеркале заднего вида. Данил оставался все таким же угрюмым, он болезненно морщился и прижимал руки к вискам. Головная боль, похоже, была сейчас для него намного важнее, чем какие-то там любовные похождения шестнадцатилетнего мальчишки.

– В общем, спасибо, вам, Римма. Похоже, нас двоих втянули в какой-то дебильный розыгрыш!

То, что он считает это розыгрышем, уже неплохо: даже если полиция доберется до Вест, возможно, сестрица отделается штрафом.

– Нужно будет как-то связаться с вами, чтобы дать показания, – продолжил Данил. – Телефон не оставите?

Римма достала из кармана визитку и протянула ему, не глядя. Ей просто хотелось, чтобы этот дурацкий день закончился.

Она довезла его до больницы, но провожать в приемный покой не стала – сил не было. Да он об этом и не просил. Покидая ее машину, Данил задержался лишь на секунду и неловко бросил:

– И это... с днем рождения.

– Спасибо.

Вот теперь, когда он ушел, можно было плакать. Сдержаться уже не получилось, и Римме оставалось лишь убедить себя, что это не так уж страшно. Хочется слезам течь из глаз – пожалуйста, не трагедия. Конечно, макияж они испортят, ну и что с того? Все равно никто не будет на нее смотреть!

Она по-прежнему не могла поверить, что Вест подсунула ей такую свинью. Да, они с сестрой никогда не были особенно дружны, но и не ссорились. Они просто... просто существовали в одной семье, так, пожалуй, это правильнее всего назвать. А когда Римма уехала, они почти перестали общаться, у каждой была своя жизнь.

Так почему, за что?.. Римме и в голову не могло прийти, что ее сестра способна на такое. Говорят ведь, что тридцать лет – самый красивый юбилей в жизни. Что ж, сестрица постаралась, чтобы он стал незабываемым! Не было ни подарков, ни цветов, ни праздничного стола, зато была такая вот ведьминская шутка!

А может, не шутка?..

Нет, об этом нельзя даже думать! Конечно же, ее сестра не могла предложить такое все-рез. Этот нож лежал там просто для создания атмосферы, Вест знала, что Римма никогда в жизни не решится на убийство. Это же невыносимо! Данил обидел ее, но это ее личные проблемы, ее демоны, с которыми она должна была справляться самостоятельно. Он ведь никогда ей ничего не обещал – и он не обязан был ее любить.

Но если это шутка, то какая-то очень уж несмешная. В чем вообще прикол? Вест похитила взрослого мужика возле пустого склада, привезла в сгоревший дом, приковала цепями к стене... как она справилась? Как ей сил хватило? А главное, ради чего это? Может, она и правда ожидала, что Римма убьет его?

– Да ну, нет, невозможно, – пробормотала себе под нос Римма.

Она попыталась дозвониться до сестры, но та, конечно же, не отвечала. Поняла, что сделала гадость, и затаилась! Вест всегда так поступала, с самого детства, глупо ожидать, что она вдруг изменится. Римме и самой пока не хотелось с ней встречаться.

Она припарковала машину на полупустой стоянке возле отеля, постаралась побыстрее миновать ярко освещенный холл, чтобы никто не видел ее заплаканные глаза и растекшуюся тушь. Она держалась, потому что должна была держаться, и только в тишине своего маленького уютного номера она позволила себе разрыдаться.

Иногда слабость нужна так же, как и сила. Нельзя быть непробиваемой круглые сутки, семь дней в неделю. Мир бывает разным – и злым, и добрым. Иногда он осыпает подарками, иногда – бьет, причем безжалостно. Боль и злость накапливаются, и их нужно выпускать, чтобы они не отравляли душу изнутри. Ее тетка часто об этом говорила, и Римма верила ей.

Поэтому она и плакала – об этой дурацкой встрече в подвале сгоревшего дома, о несостоявшемся примирении с сестрой, о сорвавшемся дне рождения. Не такого ожидаешь от возвращения в родной город! Ну так что же? Судьба не всегда ведет себя так, как нам хочется.

Нравится ей это или нет, ей сегодня исполнилось тридцать – новая глава открыта, жизнь продолжается. Римма снова и снова прокручивала эту мысль, мирилась с ней, принимала. Подумаешь, плохой день рождения! Будут и другие, получше, и не обязательно, чтобы цифра была красивая.

Она набрала ванну с пеной. Римма не слишком любила отельные ванны и душевые, но эта выглядела новой, а день выдался слишком тяжелым, чтобы отказывать себе в таком удовольствии. Она позволила ароматной пене очистить ее кожу, а шампуню – вымыть запах дыма из ее волос. Трудный день закончился, она его пережила, она со всем справилась – это ли не достижение?

А Данил все-таки вырос красивым... Отстранившись от обиды, она не могла не признать этого. В шестнадцать лет многое в нем уже угадывалось, но он все равно был подростком, чуть нескладным, угловатым. Сегодня же она увидела перед собой молодого, взрослого мужчину. Он стал высоким – намного выше ее, хотя и ей, не раз проходившей по подиуму, не приходилось жаловаться на рост. От природы он относился к тем, кому дозволено жаловаться на широкую кость, и если бы он не следил за собой, то без труда набрал бы лишний вес. Но он следил, и это обеспечило ему могучую фигуру, медвежьей массивную и сильную. Он стал смуглее, начал носить аккуратную бороду – от этой моды, видно, никуда не уйти. А глаза у него были совсем как тогда, в шестнадцать лет: темные, искристые, чем-то похожие на угли костра.

Была бы она счастлива с ним? Да, пожалуй, была бы. Но сложилось так, что он принадлежит кому-то другому, а ее даже не помнит. Она была недостаточно важна, чтобы первый в ее жизни мужчина ее запомнил... Да к черту все! Римма уже решила, что останется тут на денек, на случай, если полиция все-таки захочет с ней поговорить, а потом уедет навсегда.

От этого решения стало спокойно на душе, плакать больше не хотелось, и она как раз собиралась вылезать из ванной, когда зазвонил ее мобильный телефон. Номер был незнакомый – и она понятия не имела, кто это может быть. Для полиции, вроде, поздновато... Хотя, может, Данил там поднял такой шум, что они мигом принялись за дело! На всякий случай Римма решила ответить.

– Аллю?

– В одном черном-черном доме есть черный-черный подвал... а в этом черном-черном подвале висит человек, который должен был умереть сегодня.

Голос был тихий, вкрадчивый, но настолько знакомый, что бояться его ну никак не получалось.

– Вест, какого лешего ты устроила?!

– И тебе привет, сестренка.

– Не «приветкай» мне тут! – поморщилась Римма. – Что происходит? Я думала, мы с тобой поговорим, как взрослые люди. Ты – моя сестра, ты сама попросила меня приехать, я из-за тебя не отпраздновала день рождения с мамой и папой!

Она надеялась добиться от Вест хоть какого-то раскаяния... Да что там раскаяния – хотя бы понимания того, что она натворила! Они не дети, они больше не могут спрятаться за спинами родителей. Есть законы, которые нельзя нарушать даже чудикам вроде Вест!

Однако в голосе сестры не было и тени раскаяния. Когда она снова заговорила, Римма мгновенно поняла, что Вест злится.

– Я пригласила тебя сюда, чтобы сделать тебе подарок. И я его сделала! Не моя вина, что ты оказалась слишком глупа, слаба и нерешительна! Я надеялась, что ты изменилась, а ты все то же ничтожество, что и четырнадцать лет назад.

– Ты в своем уме?! – возмутилась Римма. – Ты еще скажи, что я должна была убить его!

– Да.

– Веста!

– Ты должна была его убить, – настаивала старшая сестра. – Именно тем кинжалом, который я тебе оставила!

– Ты себя хоть слышишь со стороны? Ты понимаешь, что несешь?

– Я-то все понимаю, а ты, похоже, не поймешь никогда.

– Мы говорим о похищении и убийстве человека!

– Все верно, и это убийство освободило бы тебя.

– Освободило... меня? – поразилась Римма. – Освободило от чего? Я свободна!

– Да неужели?

– Представь себе!

– Посмотри на свою жизнь, – жестко велела Вест.

– А что не так с моей жизнью? У меня есть карьера, я неплохо зарабатываю, купила и квартиру, и машину...

– Достаточно! Я не об этом тебе говорю, совсем не об этом. Ты одна – и была одна эти годы, и будешь дальше. А все из-за него!

Тут уж Римме нечего было возразить. Разрушенная первая любовь не только научила ее быть сильной, она запугала Римму. Обожженная болью предательства, она так и не научилась доверять и открываться до конца. Она пыталась начать новые отношения и даже начинала. Однако между ней и очередным мужчиной мечты всегда была пропасть ее прошлого: то он не похож на Данила, то слишком похож.

Ее звали замуж, и она хотела согласиться – но снова и снова отказывалась. Она не понимала, почему так происходит. Она начинала паниковать, но ее тетка, которой она доверяла даже больше, чем родной матери, оставалась спокойна. Она убеждала Римму, что нужно любить, по-настоящему, а все сорвавшиеся попытки ничего не значат, если нет любви.

Но это было ее проблемой, не связанной с Данилом!

– Ты не имела права так поступать с ним, – вздохнула Римма.

– А он имел право так поступать с тобой?

– Это в прошлом.

– Не надейся! Ты любила его, ты отдала ему сердце и душу, а он, забрав, не вернул тебе ничего.

– Вест, тебе не кажется, что ты драматизируешь? Это была просто подростковая любовь!

– Он стал твоим первым!

– А вот это я даже не намерена обсуждать.

– У таких, как мы, нет права на ошибку, – многозначительно произнесла Вест.

– Таких, как мы, – это каких же?

– Наделенных силой.

– Даже не начинай!

Эта история была известной в их семье – печально известной. Их с Вестой бабушка чуть ли не с младенчества твердила им, что все женщины в их роду наделены особой силой. Отец пытался пресекать такие разговоры, но за всем ведь не уследишь.

Когда Римма была совсем маленькой, она воспринимала рассказы бабушки как сказку. Разве это не чудесно: быть особенной, искать загадочных существ в лесной чаще, таить в себе неповторимую силу? Но, повзрослев, она отгородилась от тех баек предсказуемым скептицизмом. А Вест – нет, она старалась узнать о мистике, оккультизме и тайных ритуалах как можно больше.

И все равно Римме казалось, что сестра перерастет это, сумеет правильно расставить приоритеты. Оказалось – нет.

– Когда ведьма влюбляется, ей не так просто разорвать эту связь, – твердила Вест. – Пока он жив, ты не будешь счастливой.

– Ты что, пьяная там? Как ты могла предположить, что я кого-то убью? А тем более Данила!

– Он разбил тебе сердце!

– Выключи своего внутреннего Шекспира, а? Все, что со мной случилось, – мое личное дело. Не нужно меня защищать, я со всем справлюсь, тридцать лет, вот, кое-как исполнилось!

– Ни с чем ты не справишься, потому что ты понятия не имеешь, с чем имеешь дело.

– Дай угадаю: с магией?

Вест разозлилась еще больше:

– Вот, ты ко всему относишься с насмешкой! Этим ты гневишь высшие силы, которыми мы должны управлять. Ты обязана им больше, чем я.

– Я? – удивилась Римма. – За что это? Не помню никаких магических кредитов, которые я должна отдавать!

– Ты обязана им, потому что от природы тебе достались огромные способности. Твой дар больше моего, а ты им не пользуешься!

– Веста-а-а... Что мне сделать, чтобы ты прекратила?

– Ты губишь свою жизнь! Убив Данила, ты выиграла бы во всем: избавилась от тоски, открыла свои магические способности и через жертву крови стала бы настоящей ведьмой...

– Хватит! – жестко прервала ее Римма. – Мне все труднее весело смеяться и делать вид, что это просто тупая шутка!

– А не надо, потому что это не шутка! Это касается не только тебя, меня тоже.

– Становится все интересней.

– Мы сестры, а потому мы связаны, – пояснила Вест. – Я не могу использовать свою полную силу, пока ты не раскроешь свою.

– Нет у меня никакой силы!

– То, что ты закрываешь на нее глаза, не значит, что ее нет. Но что она тебе не нужна – это хорошо: ты можешь отдать ее мне.

– Забирай! – закатила глаза Римма.

– Это возможно только после того, как твоя сила будет призвана.

– А для этого мне нужно расправиться с Данилом?

– Вот именно!

Теперь Римме стало по-настоящему страшно, но страшно не за себя или Данила, а за сестру. Похоже, Вест не шутила, она верила каждому своему слову. Она окончательно распрощалась с рассудком! Ее увлечение мистикой не просто не миновало, оно переросло в полноценное безумие. Вест срочно нужна была помощь врача – вот только согласится ли она на это?

– Знаешь, мне кажется, нам нужно обсудить все лично, а не по телефону, – дружелюбно предложила Римма. – Давай завтра встретимся, а?

– Ты мне не веришь.

– Я этого не говорила...

– А тебе и не нужно говорить, я все слышу, – рассмеялась Вест. – Как наивно было верить, что ты поймешь! У тебя в жизни на это ума не хватает. Но тебе досталась большая сила, чем мне, какая ирония! Я не собираюсь страдать из-за тебя, я уберегу преграду, которую не можешь убрать ты.

– Вест, пожалуйста...

– Что – пожалуйста? Одумайся? Давай поговорим? Обратись к врачу? Видишь: я наперед знаю все, что ты мне скажешь.

– У тебя могут быть серьезные проблемы, – предупредила Римма. – Не со мной, а с полицией. Данил намерен требовать полноценного расследования!

– Это не навредит мне.

– Веста... что ты затеяла?

– Тебя это больше не касается. Если ты не со мной, то ты против меня.

И от этих слов, от этого тона у Риммы, все еще остававшейся в горячей воде, мурашки пошли по коже.

– Вест, я ведь люблю тебя, прекрати, пожалуйста, это представление!

– Уже поздно что-то менять. Я вижу свою цель, высшую цель, и я добьюсь ее любой ценой. Я думала, что мне мешает только твой бывший любовничек – а оказывается, мешаете вы оба. Но если ты думаешь, что мне не хватит сил расправиться с вами, то зря, очень зря.

– Что ты собираешься делать?

Римма никогда раньше не сталкивалась с сумасшедшими, не знала, как с ними правильно говорить. Так что теперь она будто шла по минному полю – она не представляла, какие слова успокоят сестру, а какие окончательно выведут из себя.

– Я докажу вам, что магия существует, – невозмутимо ответила Вест. – И не та магия, на которую пускают слюни девочки-принцессы, а настоящая магия, черная, могущественная! Если ты не способна принять наследие своей семьи, ты больше не нужна, малышка Ри. Но у меня есть для тебя приятный сюрприз, в честь твоего дня рождения.

– Какой же? – еле слышно произнесла Римма.

– Ты и твой возлюбленный все же умрете в один день!

– Веста, угомонись!

– Ничего, не переживай, скоро все закончится, – почти ласково проворковала Вест. – Это будет интересно – по крайней мере, одной из нас. Мое первое проклятье будет направлено на родную сестру, кто бы мог подумать!

– Какое еще проклятье?

– Созданное специально для тебя, малышка. Ты ведь помнишь городские легенды?

– Даже не начинай!

– Слишком поздно, Ри. Все уже началось.

И, не дожидаясь ее ответа, Вест бросила трубку.

А ведь недавно Римме казалось, что этот день уже не может стать хуже – как наивно! Вест всегда умела превзойти саму себя.

Городские легенды были их общей тайной, причем неприятной, той, которую Римма с удовольствием забыла бы, если бы могла. Она всегда любила сказки, которые рассказывали им мама и бабушка. Тех сказок она не боялась, даже если в них были чудовища. Но Весте отчаянно хотелось напугать ее, младшую, и она нашла способ.

Она обнаружила, что Римма до слез боится городских легенд – тех самых баек о зловещих незнакомцах, монстрах под кроватью, психах и похитителях детей. Там злодеи были не такими, как в бабушкиных сказках, они были настоящими, ходившими по тем же улицам, что и Римма, а оттого по-настоящему жуткими.

Обнаружив слабину, Вест начала увлеченно собирать все городские легенды, какие только могла услышать. Когда в детской гасили свет, она выжидала минуту-другую, а потом принималась рассказывать перепуганной Римме о том, как неизвестный маньяк убил маленьких детей на соседней улице – точно таких же, как сама Римма! Потом Вест, довольная собой, засыпала, а ее младшая сестра с ужасом всматривалась в темноту.

Новая Римма, взрослая, тридцатилетняя, не боялась городских легенд. Но она не могла избавиться от того неприятного осадка, который они оставили в ее душе. Детская память хватает все цепко и хранит надежно, поэтому детские страхи обычно никуда не исчезают.

Но сейчас они были не так важны, как взрослые страхи – а в частности, страх за сестру. Очевидно, что у Весты нервный срыв. Ну и что с ней теперь делать? Как заставить ее пойти к врачу, если даже неизвестно, где она?

Римма понимала, что одна она не справится. Утром нужно будет позвонить родителям и тетке, пусть подскажут, что делать дальше. Они-то Вест знают!

Вот только... есть ли у нее время до утра? Вест сказала, что проклянет и Римму, и Данила, ей нужно избавиться от них обоих. Понятно, что никакой магии не существует. Но на Данила она уже напала – и могла его убить! Что если она, заиклившись, попытается сделать это снова?

Он сейчас в больнице, он слаб и уязвим. Это потом он снова станет сильным, да еще и настороженным после похищения, до него будет не добраться. Вест, если в ней осталась хоть капля здравомыслия, понимает, что добить его она сможет только сейчас. А он даже не догадывается, что на него идет охота!

Размышляя об этом, Римма выбралась из ванной и теперь в нерешительности замерла посреди комнаты. У нее было два выбора: остаться здесь и лечь спать, наконец позволяя этому дню завершиться, или снова одеться и отправиться в больницу, чтобы предупредить обо всем Данила.

Ей не хотелось никуда ехать.

Ей не хотелось выходить из номера – она слишком устала.

Ей не хотелось снова видеть Данила, потому что это было больно и обидно.

Но она должна была. Вест – ее сестра, а значит, и ее ответственность, а Данила вообще втянули во все это из-за ошибок четырнадцатилетней давности. Поэтому Римма обязана была предупредить его о том, что может произойти, а потом со спокойной совестью возвращаться в Москву и вместе с родителями решать, что делать с Вест.

Ну а городские легенды пусть остаются на потеху этой сумасшедшей, Римма не желала даже вспоминать их!

2. Ядовитая леди

Нет, конечно, бывают неудачные дни – но всему же есть предел! То, что сегодня произошло с ним, было похоже на бред сумасшедшего, и Данил до сих пор не был уверен, как рассказать об этом полиции.

Когда его заманили на пустую улицу и усыпили какой-то дрянью, он не сомневался, что это привет от конкурентов. Он всегда старался работать честно, но знал, что многим не нравится, а кому-то успел перейти дорогу. Данил не ожидал, что с ним поступят так, но уже ничего не мог изменить.

После такого ему следовало проснуться в каком-нибудь мутном офисе, связанным, – или не проснуться вообще. А что произошло с ним? Он оказался в грязном подвале, закованный в цепи, а на полу перед ним свечами был выложен какой-то непонятный знак. Все это было настолько нереальным, что Данил долго не мог понять: это происходит на самом деле или ему мерещится? Его чуть ли не в жертву приносить собрались! Не слишком похоже на разборки конкурентов.

Но не принесли. Со стороны дверей появилась молодая девушка, которую он прежде не видел. Значит, она не из местных: он знал всех, кто был с ним одного возраста, в маленьких городках так бывает. Она вполне могла быть похитительницей – и могла навредить ему, он видел нож, лежавший на столе. Она даже задержалась возле этого ножа! Так что Данил отнесся к ней с предсказуемой настороженностью.

Однако девушка не тронула его. Она помогла ему, освободила, отвезла в больницу. Она казалась расстроенной всем этим. Она, похоже, понимала чуть больше, чем он, но не хотела, чтобы это произошло.

Когда он оказался в больнице, ему было уже не до размышлений о таинственной незнакомке. Многие из врачей знали его, так что его появление не осталось без внимания. Еще бы! Он вошел в больницу, шатаясь, как пьяный, весь в грязи и золе, с непонятной ссадиной на затылке. Его тут же подхватили, окружили со всех сторон, стали задавать вопросы, на которые у него не было ответов.

Данил и опомниться не успел, как оказался в больничной палате. Анализ крови показал, что опасаться смерти ему не приходится: его усыпили каким-то травяным настоем, неизвестным докторам, но, похоже, не слишком опасным. Ссадину на голове он получил от удара тупым предметом, кожа оказалась чуть стесанной, так, что и швы были не нужны. Его отмыли, перебинтовали, дали обезболивающее, но больше ничем помочь не могли – потому что это было и не нужно. Врачи в один голос твердили, что утром он сможет отправиться домой, а ночь ему лучше провести в больнице, отдохнуть.

Ему следовало бы поспать, но спать не хотелось. Он лежал на старой кровати, рассматривая темный потолок, и думал о том, что с ним случилось. Причем думал не о похитителе, как следовало бы, а о девушке, которая его спасла.

А может, это один человек? Хотя нет, вряд ли. Ей бы ни за что не хватило сил затащить его в этот дом и вот так приковать к стене. Да и потом, она могла бы потребовать награду за его освобождение, но она ничего не просила. Она даже телефон его не взяла, она привезла его сюда и оставила в покое!

Такая странная... и красивая, да, этого отрицать нельзя. Высокая, подтянутая, с грациозными движениями – она не старалась впечатлить его, у нее все получалось само собой, и это выдавало в ней бывшую танцовщицу или гимнастку. Хотя почему – бывшую? Она была молода и могла оказаться кем угодно.

У девушки была фарфоровая кожа, бледная, безукоризненная, и волосы цвета вороного крыла. Но больше всего Данила впечатлили ее глаза: даже в полумраке подвала несложно было рассмотреть, что они разного цвета, один – светло-голубой, другой – ярко-зеленый.

А главное, она показалась ему знакомой. Только это же невозможно! Если бы он знал ее, он бы запомнил. Да и как такую забудешь – эти высокие скулы, аккуратный носик, чувственные губы, а главное, разноцветные глаза. Если бы они хоть раз были представлены, он бы узнал ее мгновенно!

Получается, в подвале они увиделись впервые. Но откуда тогда это чувство узнавания, от которого болезненно щемило сердце? Данил ни с чем подобным в жизни не сталкивался! А ведь та девушка сказала, как ее зовут... Как там ее звали?

Попытавшись вспомнить ее имя, Данил с удивлением обнаружил, что не может. Не может, хотя слышал его всего пару часов назад! Что за бред? У него была отличная память на имена, с чего ей вдруг подводить его сейчас? Должно быть, это сказывается удар по голове.

Хорошо, что она дала ему свою визитку. Данил поднялся с кровати, добрался до своих вещей и достал из кармана глянцевого прямоугольника – ее карточку. Римма Корнилова, значит... Ну вот как можно было забыть такое имя?

Она модель, надо же, и фотограф, да еще из Москвы – чем больше Данил узнавал о ней, тем больше убеждался, что у нее не было ни единой причины похищать его. Но как она оказалась в том доме, кто заманил ее туда? Кто заставил их встретиться?

Ответов у него не было, ночь казалась бесконечно длинной, спать не хотелось, и Данилу нужно было чем-то отвлечься. На визитке, данной ему неожиданной спасительницей, были указаны ее страницы в социальных сетях. Похититель, как ни странно, не забрал у него телефон, и теперь Данил мог свободно выйти в интернет.

Что ж, похоже, визитка не врала – снимков у этой дамочки хватало, причем многие из них были сделаны на подиумах и светских тусовках. Она была красива, богата и точно не из знакомых Данила. Но с каждой новой фотографией чувство узнавания лишь усиливалось. Вот же она, совсем такая, как тогда... Но когда? У них не было общего прошлого, что за вздор? Он даже не знал эту... как ее там?

Как же ее зовут?

От удивления Данил чуть не уронил смартфон. Он снова забыл, как ее зовут! Меньше чем за полчаса! Он осторожно проверил другие свои воспоминания, но они не подводили. Он прекрасно помнил имена не только всех своих знакомых, но и даже лечащего врача, который осмотрел его в больнице. Из его памяти бежала только эта девушка!

Нет, так не пойдет! Осмотревшись по сторонам, Данил обнаружил на тумбочке возле кровати забытую кем-то ручку и торопливо написал на внутренней стороне запястья «Римма». Вот, так-то лучше! Каждый раз, когда он смотрел на это имя, он мгновенно вспоминал связанную с ним девушку.

Теперь можно было бы и отдохнуть, но сон по-прежнему не шел. Данилу, растянувшись на кровати в ожидании рассвета, было несложно уловить момент, когда в коридоре началась какая-то паника.

Он был нечастым гостем в больницах – Данил, не жаловавшийся на здоровье, и не помнил, когда последний раз оказывался здесь. Но даже так он мог догадаться, что тут должно быть поспокойней, чем в клинике из американского фильма, где вечно кто-то бежит и вопит. «Скорая» подъезжала к другому входу, и на этаже, где располагались палаты, царили покой и тишина.

Но не сегодня. Данил слышал, как врачи зовут друг друга, бегут куда-то, переговариваются. Из этих невольно подслушанных разговоров он и получил объяснение.

– Почему она вообще здесь?

– Внезапно стало плохо, а вошла она на своих двоих!

- В реанимацию ее, срочно!
- Если дотянет – вон, задыхается уже!
- Кровь берите, живо!

Данил выглянул из своей палаты – да и не он один. При таком шуме не встали разве что самые слабые пациенты или те, кто спал исключительно благодаря химии. Все остальные кое-как добрались до дверей, однако выходить в коридор не рисковали, зная, что только помешают врачам.

Все внимание медиков сейчас было сосредоточено на молодой женщине, лежащей на каталке. Данил не знал, что с ней случилось, но догадывался, что она должна быть на другом этаже. Пациентка была настолько плоха, что дышала только через маску, сознание она давно уже потеряла, теперь одна из медсестер брала у нее кровь, а другая готовила катетер под капельницу.

Ситуация была неприятной, но, в целом, не самой шокирующей – а потом все внезапно полетело к чертям.

Медсестра, набиравшая кровь на анализ, резко вскрикнула, сделала шаг назад и повалилась на пол. Ее коллега попыталась помочь ей, наклонилась – и тоже упала. Что бы там ни происходило, оно постепенно охватывало всех врачей, собравшихся вокруг загадочной пациентки. Они начинали задыхаться, падали, их глаза оставались закрытыми, и Данил понятия не имел, живы ли они.

Очень скоро вся бригада лежала на полу, однако на врачах это не закончилось. Пациенты из ближайших палат, изумленно наблюдавшие за медиками, один за другим начали падать на пол. Многие не успевали даже крикнуть, под ними будто подкашивались ноги. Никто не знал, что происходит, но некоторые пытались убежать. Бесполезно: что бы ни поражало их, оно было куда стремительней людей, оказавшихся в больнице.

Все это выглядело настолько потусторонним и нереальным, что Данил решил было: это магия... или галлюцинация? Возможно, он все-таки заснул в своей палате и теперь ему видится непонятно что? Однако он чувствовал холод, а во сне это вряд ли возможно.

Присмотревшись внимательней, он заметил, как воздух в той части коридора чуть заметно подрагивает. Как будто это... газ? Да, так воздух дрожит от газа и так он плавится над асфальтом в сильную жару. Но асфальта тут не было, жары – тем более, только неизвестная зараза, стремительно поражающая всех без разбору.

Данил хотел убежать, но просто не мог, тело, скованное удивлением, не двигалось с места. Сначала темный подвал, свечи и ритуальный нож, теперь – это? Что происходит, что за проклятье? Объяснения ведь нет! А если его нет, то куда бежать, зачем? Исход будет один! Поэтому пока другие пациенты мельтешили, бросались к лестницам и сшибали друг друга с ног, он замер на месте, ожидая неизбежного.

Но смиренно принять свою судьбу ему просто не позволили: кто-то схватил его за руку и резко потянул за собой. Этот кто-то был не слишком сильным, и если бы Данил хотел сопротивляться, он бы без труда вырвался. Вот только он был слишком удивлен, потому что, обернувшись, он увидел, что его тащит за собой та самая девушка, которая привезла его в больницу, красавица с разноцветными глазами, как же ее зовут?.. Отлично, опять имя забыл! Следуя за ней, Данил бросил быстрый взгляд на свое запястье.

- Римма. Ну, конечно.
- Куда мы? – спросил он, опомнившись.
- Подальше отсюда! – отозвалась она.

Она прикрывала нижнюю половину лица тонким платком, и от этого ее голос звучал глухо, но не узнать ее было невозможно.

- Я могу хотя бы одеться? – поинтересовался Данил.

Когда в коридоре началась суматоха, он только и успел, что натянуть джинсы. Он ведь не думал, что ему придется спасаться бегством!

Однако Римма была неумолима:

– Вы уверены, что хотите вернуться туда? Ваша жизнь стоит меньше, чем потерянная рубашка?

– Да не так уж она и дорога мне, эта рубашка... Тем более что я, кажется, порвал ее во время нашей предыдущей встречи – в казематах! Вы не объясните мне, что происходит?

– Я вам должна что-то объяснять? А мне кто объяснит?

– Вы справляетесь с этим куда лучше, чем я!

– О нет, это просто дает о себе знать привычка бежать подальше от места, где люди падают замертво! Давайте сначала выберемся отсюда, а потом поговорим!

Тут она была права: хаос в больнице разрастался. Этаж, где началось заражение, пытались перекрыть, пациентов оттуда больше не выпускали. Данилу и Римме повезло, они успели выбежать на пожарную лестницу, а уже оттуда спуститься вниз, к аварийному выходу. Они как раз оказались на парковке перед больницей, когда вблизи послышался вой сирен: сюда съезжались бригады «скорой» из других больниц, полиция и даже, зачем-то, пожарные.

Теперь Данил и сам радовался, что не стал частью этого цирка. Он не без удовольствия укрылся в чистом и теплом салоне уже знакомого автомобиля, и вскоре Римма присоединилась к нему, заняв место за рулем.

– Думаю, нам лучше уехать, – быстро сказал Данил. – Я бы не прочь попасть домой, мне как-то не хочется бродить по городу в образе стриптизера.

Он назвал ей адрес, и машина сдвинулась с места. Ключи от квартиры и смартфон остались в кармане джинсов, а все остальное было не так уж важно.

Когда они отделились от больницы настолько, что вой сирен был уже не слышен, Римма наконец спросила:

– Что там произошло?

– Вы мне скажите!

– Снова на меня стрелки переводите?!

– Так, стоп, давай по порядку, – примирительно поднял руки Данил. – Для начала, давай на ты. Возраст, благо, позволяет, да и потом, ты мне за сегодня дважды жизнь спасла, это, думаю, аргумент покрепче, чем стопка на брудершафт.

– Годится, – отозвалась Римма. – Правда, эта сказочная дружба долго не продлится, если ты продолжишь обвинять меня во всем на свете!

– А как я должен реагировать, если ты все время оказываешься в нужном месте в нужное время?

На этот раз Римма замялась, она определенно знала больше, чем говорила. Но Данил решил не давить на нее – это не лучший способ добиться правды. А сама она пока была не готова к откровениям, потому что поспешно сменила тему:

– Расскажи мне, что там произошло. Клянусь, я об этом ничего не знаю!

– Тогда как ты оказалась в больнице?

– Тебя навестить приехала!

– Ночью? – не поверил Данил. – Как тебя вообще пустили?

– Сначала не хотели пускать, но потом сверху послышались крики, врачи отвлеклись, я и воспользовалась этим. Поднялась наверх – и увидела в коридоре тебя. Что это было вообще?

Она могла врать насчет того, зачем пришла, Данил допускал это. Но она, похоже, понятия не имела, что случилось с теми людьми, и это напугало ее. Он не стал упрячиться и рассказал ей обо всем, что видел.

Римма слушала его внимательно, не перебивая. Да он бы сам себя так слушать не смог! Ему бы захотелось рассмеяться, сказать, что он в бреду увидел совсем не то, что произошло на самом деле. Но она осталась предельно серьезна.

Когда он закончил рассказ, они как раз въехали во двор его дома. Дорогу освещали только фонари, почти все окна в такое время оставались темными – и окна его квартиры тоже. В такие моменты Данил был особенно рад, что живет один и ему не нужно ни перед кем оправдываться.

– Поднимешься со мной? – спросил он. – Думаю, теперь нам точно нужно поговорить.

– Ты даже не представляешь, насколько.

Подниматься по заплеванному подъезду босиком было не слишком приятно, поэтому, добравшись до квартиры, Данил не выдержал и все-таки отправился в душ. Когда он вышел, в воздухе витал запах свежего кофе: Римма не только не ушла, она нашла способ упростить им обоим бессонную ночь.

Теперь она сидела у окна рядом с открытым ноутбуком и пила кофе, еще одна чашка дожидалась Данила возле чайника.

– Сливки и сахар я уже добавила, – сказала Римма, не отрываясь от компьютера. – Две ложки, сливки – только для цвета.

– О, угадала, я и сам так делаю!

– Ага, я знаю, – рассеянно отозвалась она.

– Откуда ты можешь такое знать? – смутился Данил.

Но она пропустила его вопрос мимо ушей, она по-прежнему не отрывалась от компьютера.

– Прости, пришлось воспользоваться твоим ноутом, свой я не взяла.

– Не страшно. Нашла что-нибудь интересное?

– Я искала новости по больнице, – отозвалась Римма. – Первые уже начали появляться.

– И что там?

Данил, захватив чашку, устроился за столом напротив нее. Теперь, когда она была так близко, вернулось странное чувство узнавания. Сегодня они встретились не впервые, они уже пересекались раньше, но где, как?

Не важно, сейчас есть проблемы посерьезней, потом, когда будет время, он разберется, была ли она в его жизни... если снова не забудет ее имя.

– Новости есть, – сообщила Римма. – Пока все это описывается как несчастный случай. Вроде как кто-то распылил в отделении отравляющий газ.

– Чувшь собачья, – указал Данил. – Не было там никакого газа! Погибшие есть?

– Только одна девушка, вроде, которой стало плохо и ее не смогли спасти.

– Должно быть, та, на каталке, – отметил он. – А врачи? Медсестры? Пациенты?

– Пишут, что состояние средней тяжести, жизни ничто не угрожает. – Римма наконец оторвалась от компьютера, и удивительные разноцветные глаза снова смотрели на него. – Ты уверен, что никто там ничего не распылял?

– Я понимаю, почему ты не можешь мне поверить – я бы тебе не поверил, если бы мы поменялись местами и ты рассказала мне такое! Но я там был и видел это своими глазами. Отравы пошла из нее, из этой девушки!

Римма нахмурилась, обдумывая что-то, потом спросила:

– Ты когда-нибудь слышал легенду о ядовитой леди?

– Э-э... что? – растерялся Данил.

– Это городская легенда, слышал ее когда-нибудь?

– Да я даже не знаю, что такое городские легенды!

– Байки, как правило, страшные, о каких-нибудь пугающих событиях, которые на проверку оказываются ложью, – терпеливо пояснила Римма. – Но зачастую они состряпаны так хорошо, что им многие верят. Это международная штука, городские легенды рассказывают в

разных странах, иногда они уникальны, иногда – одни и те же. Среди них есть легенда о ядовитой леди, придумали ее, если мне не изменяет память, в Америке. Ты ее слышал?

– По мне, конечно, не скажешь, но я не интересуюсь американскими городскими легендами, – усмехнулся Данил. – А ты ее откуда знаешь?

– У меня сестра, скажем так, любительница городских легенд. Она находила их везде, где только могла, ну а я становилась слушательницей, нравилось мне это или нет.

– Что-то мне подсказывает, что не нравилось. Так что там за легенда? И ты кофе еще будешь?

После всех событий этой ночи одной чашки кофе ему было определено недостаточно.

– Да, давай, пожалуй, лишним не будет.

– Только, уж извини, сладкого в доме нет, придется пить только кофе!

Он и сам не знал, зачем сказал это. Просто ему вдруг показалось, что она любит кофе с шоколадом. Какая странная картинка: залитый солнцем зал кафе, маленький столик, смеющаяся девчонка с разноцветными глазами... Откуда это? В его жизни такого никогда не было! Данил тряхнул головой, отгоняя наваждение, и перешел к кофе машине.

Если его реплика и показалась ей странной, Римма не стала на это указывать, она перешла к легенде:

– Байка довольно старая, но, говорят, основанная на реальных событиях. В реанимационное отделение одной маленькой больницы доставляют женщину, которая умирает неизвестно от чего. Чтобы ее спасти, нужно сначала определить, что с ней происходит, правильно? Пока врачи проводят осмотр, одна медсестра набирает кровь на анализ. Но как только она протыкает иглой кожу, из крови пациентки вырывается ядовитый газ, который валит с ног всех вокруг. Объявляется тревога, больница на карантине... Врачи потом приходят в себя, однако никто не может определить, что с ними было, а та женщина умирает. Из страха перед заразой, которую она распространяла, ее тело даже не вскрывают, а сразу сжигают. Дальше, в зависимости от версии легенды, ее называют то ведьмой, то инопланетянкой, но никто не знает, кем она была на самом деле – вот так-то.

– Ты понимаешь, что ты почти полностью повторила то, что я рассказал тебе? – поинтересовался Данил, разливая кофе по чашкам.

– А ты понимаешь, что рассказал мне городскую легенду?

– Ты надо мной, надеюсь, не издеваешься?

– Не веришь мне, сам пробей в интернете, – оскорбилась Римма.

– Да ладно, ладно, не злись! Но ты бы на моем месте легко поверила?

– Я и на своем месте с трудом верю! Возможно, все это просто совпадение...

– Черда совпадений, я бы сказал!

– Пусть так, черда совпадений все равно в наших интересах. Потому что если это действительно воплощение городской легенды, то дела наши плохи.

Данилу казалось, что сегодня его уже ничем не удивишь, но у Риммы это получилось. Он вернулся за стол и поставил перед ней чашку. В памяти снова мелькнуло странное видение событий, которых в его жизни не было, и снова Данил отогнал его.

– А что не так с городскими легендами? – спросил он. – Чем они опасны для нас?

– Если они начнут воплощаться, это подтвердит, что мы с тобой прокляты.

– Вот, значит, как... поподробней нельзя?

Она нервничала: вертела в руках чашку, хотела сделать глоток, но обжигалась. Римма больше не рисковала смотреть ему в глаза, она будто стыдилась своих слов до того, как произнесла их. Она старалась придумать что-то, а потом поняла, что правда сейчас будет лучше любой лжи. Когда все становится слишком запутанным, помогает только честность.

– Все, что с тобой случилось, затеяла моя сестра, – наконец выпалила Римма. – Она... ты не поверишь, но она считает себя ведьмой. Чушь? Я бы так сказала, если бы не то, что случилось в больнице. Теперь я и сама начинаю подозревать, что Вест – ведьма...

Если бы кто-то сказал ему это еще вчера, Данил бы без сомнений расхохотался. Ведьма? Проклятья? Серьезно? Внесите календарь, пусть напомним о себе двадцать первый век!

Но между вчерашним днем и этой ночью, уже переходящей в утро, оказалось слишком много событий. Подвал, цепи, пламя свечей, а потом – мор в больнице, поражающий всех подряд. Это ли не черная магия? Да и потом, красавица с колдовскими глазами, сидящая перед ним, тоже никак не походила на обычную девушку.

Поэтому смеяться Данилу не хотелось.

– Вест? – спросил он. – Так зовут твою сестру?

– Веста Корнилова. Вы с ней знакомы?

– Впервые слышу!

– А память тебя не подводит?

– Всех, кто для меня важен, я помню, – отрезал Данил.

Его собеседница смутилась и даже, кажется, расстроилась: он видел, как ее тонкие пальцы сильнее сжали чашку кофе. Только вот Данил не понял ее реакцию. Какая ей разница? Ее-то он точно не знал раньше, не на что обижаться!

Римма, впрочем, быстро взяла себя в руки:

– Я могу поверить, что ты ее не знаешь. Вест всегда была со странностями, она могла выбрать тебя случайно, обидеться на что-нибудь такое, чего ты даже не заметил. Но результат это не меняет: она назначила тебя жертвой.

– Очень мило. Ну и как я это должен понимать?

– Она считает, что я тоже ведьма. Ей нужна моя сила, но чтобы получить ее, Вест необходимо, чтобы эта сила раскрылась, а для такого мне вроде как нужно принести кровавую жертву, – выпалила Римма. – Я понимаю, как это звучит, и мне самой неловко говорить об этом. Но именно так мне все объяснила Вест, когда я ей позвонила.

– То есть, из меня сделали агнца на заклятие? Почетная роль, нечего сказать!

В жизни Данила бывали неудачи, но такие – никогда. Он умудрился привлечь внимание какой-то сумасшедшей!

– Так что я, проклят, потому что ты меня не убила? – уточнил он.

– Мы оба прокляты, потому что я тебя не убила.

– И это не прекратится, пока я не умру?

– Мне кажется, я и Вест уже прошли некую точку невозврата, – признала Римма. – Она мне больше не верит. Если я скажу ей, что согласна убить тебя, она только посмеется.

– Зато я не посмеюсь!

– А я тебя и не убью, я говорила о лжи. Слушай... Она заявила, что теперь на нас обоих проклятье и оно как-то связано с городскими легендами. Понятно, что я в такое не поверила. Но Вест уже похитила тебя, а раз так, неизвестно, на что она еще способна. Я поехала в больницу, чтобы предупредить тебя. И что я увидела там? Как раз воплощение городской легенды! Как я на это должна реагировать?

Вспомнив, как беззвучно падали на пол врачи и медсестры, Данил невольно поежился. Да уж, в этом было что-то потустороннее!

Но проклятий все равно не существует, всему должно быть логичное объяснение.

– Я предлагаю подождать, – заявил он.

– Чего?

– Когда появится побольше новостей. Уверен, тогда нам все станет ясно! Даже если все это провернула твоя сестра, мы поймем, что именно она сделала.

Римма лишь пожала плечами, спорить она не стала.

Они дождались утра, Данил заказал им завтрак, его гостя все это время просматривала новости. Вокруг больницы было много суеты, однако по существу никто ничего не говорил. Журналисты осторожно пытались успокоить взволнованную толпу ничего не значащими фразами вроде «несчастный случай» и «трагическая случайность».

Телевидение так и осталось верно этой политике умеренного молчания, а вот в интернете цензура была не так сильна. Одно за другим стали появляться свидетельства очевидцев и анонимных источников в больнице. Однако от этого Данилу стало только хуже.

Заражение действительно пошло от девушки, которая сама добралась до больницы и в холле потеряла сознание. Она была в одной белой ночной сорочке, босиком, никто не знал ее. Ни фото, ни отпечатки пальцев ничего не дали, загадочная незнакомка словно появилась из пустоты с одной целью – привести в ужас целую больницу.

Врачи понятия не имели, от чего она погибла. Дела у тех, кого она заразила, шли неплохо, однако их болезнь все еще оставалась неназванной. Данил подозревал, что если бы ту дрянь вдохнул он, проснуться уже не получилось бы. Это другие не умирают от проклятья, созданного для него!

«Нельзя верить в проклятья, это какой-то бред, – убеждал он себя. – А с другой стороны, давай, умник, объясни это как-нибудь по-научному! Нет, решение должно быть... Только вот где оно?»

Римма смущала его не меньше, чем вся эта ситуация. Откуда она вдруг взялась? Действительно ли она на его стороне или они с сестрой действуют в сговоре? А главное, откуда в его сознании воспоминания о ней?

– Не похоже, что вы с сестрой близки, – задумчиво проговорил он.

– Это потому что мы не близки. Мы росли в разных городах, и я не знаю, чем она занималась последние четырнадцать лет. Но до того, как я уехала, Вест уже интересовалась всякой... чертовщиной, так мама это называла.

– И что, она решилась бы проклясть родную сестру?

– Ты ведь видишь, что решилась!

– Тогда нужно поговорить с ней.

Он не готов был признать, что верит в проклятье – он и сам не знал, верит ли. Но сидеть в квартире и ждать непонятно чего и дальше он не мог, как не мог и выставить Римму за дверь, сделав вид, что ее не было. Даже если эта Вест никакая не ведьма, неплохо было бы обсудить с ней его похищение! Он запомнил голос женщины, выманившей его к складу, и сразу понял бы, она это или нет, с первого слова.

– Ты знаешь, где она живет? – осведомился он.

– Я знаю ее адрес, но я там никогда не была. Я остановилась в гостинице, а встречу она мне назначила в доме наших родителей. Сказала, что там сюрприз... Дальше ты знаешь.

– В предыдущей версии указание на сюрприз было анонимным, – укоризненно напомнил Данил.

– Тогда я еще не знала, что моя сестра сошла с ума, и пыталась защитить ее, уж извини!

Просто сорваться и уехать Данил не мог: обычная жизнь продолжала идти своим чередом и не собиралась делать паузу ради проклятий. Поэтому ему пришлось сделать пару звонков – предупредить родителей и своего заместителя на работе. Римма все это время терпеливо ждала, ни о чем не спрашивала, однако он не сомневался, что она внимательно слушает.

Лишь когда он закончил, она поинтересовалась:

– Ну а звонок девушке как же? Она не будет тревожиться, что суженый пропадает непонятно где?

– Откуда знаешь, что у меня девушка, а не жена? – хмыкнул Данил.

– Я вот это вот все видела, – Римма обвела рукой квартиру. – Тут разве что неоновой вывески «Холостяк» не хватает! Плюс, кольца на пальце у тебя нет. Может, поэтому моя сестра и выбрала тебя для жертвоприношения!

– Ей нужен был юный девственник? Тогда у меня для нее чертовски неприятный сюрприз!

– Девственников сейчас днем с огнем не сыщешь, – фыркнула Римма. – Но ты все же ни с кем не связан. Почему?

Данил терпеть не мог этот вопрос. О том, когда же он «найдет счастливицу» и «в доме затопчут маленькие ножки», у него не допытывался только ленивый. Он не находил в этом ничего оскорбительного, потому что его, не пускавшего в свой мир посторонних, сложно было оскорбить. Он просто уставал от навязчивого внимания – и у него не было ответов.

Он и сам не мог сказать, почему у него до сих пор нет семьи. Хотел ли он семью? Да, это всегда было среди его приоритетов, но – отвлеченно, без фанатизма, он не был готов жениться на первой встречной только для того, чтобы она ему кого-нибудь родила. И все же идея семейного уюта была ему куда ближе мыслей о вечном гареме.

Однако гарем пока побеждал. У него никогда не было проблем с женщинами, они сами искали его внимания, ему и напрягаться не приходилось. Но любовь... Любви у него просто не было, и чем старше он становился, тем меньше верил, что это нечто реальное, а не просто поэтический бред. У него даже первой влюбленности не было! У подростков бурлят гормоны, да и душа чувствует тоньше, но и тогда его ни к кому не тянуло. На что уж надеяться теперь?

Иногда, впрочем, очередная подружка задерживалась в его жизни, и ему казалось, что все серьезно. Тогда он начинал прикидывать: а не та самая ли перед ним? А не пора ли остепениться? Но каждый раз откуда-то из глубины подсознания появлялось странное чувство протеста. Он как будто знал, что это не предел, не любовь, его любовь – другая. Откуда он мог такое знать?

С годами Данил просто отпустил ситуацию, перестал искать ответы на бессмысленные вопросы. Будет жена – хорошо. Не будет – тоже не страшно, детьми можно обзавестись и без брака, вон сколько примеров вокруг! А чувство, что он уже упустил нечто бесконечно важное... просто самообман.

Он не стал объяснять это Римме. При всех странностях сегодняшнего дня, она все равно была случайной знакомой, эти знания и воспоминания – не для нее. Данил ограничился дежурной фразой, которая срабатывала всегда:

– Просто так получилось.

– Универсальный ответ? – хмыкнула она. – Хитро! Этот – один из моих любимых.

– А какой тогда любимый?

– Есть еще хороший «Вы не видите картину в целом!», причем говорить его нужно высокомерно и многозначительно. Вот назови хоть одну ситуацию, где это не сработает!

– Не буду даже пытаться! А для нас важно лишь то, что я всех предупредил, благоверной мне отзваниваться не надо, и я свободен, как птица. Самое время для охоты на ведьм!

– Эй, она все-таки моя сестра! – укоризненно отметила Римма.

– Вот поэтому я пока не вызвал полицию.

Он снова чувствовал себя уверенным. Да, первый раз он предстал перед Риммой в цепях, со скотчем на лице, и это было не слишком приятно. Потом он чуть не задохнулся от какой-то заразы, и снова она спасла его. Но теперь он вернул контроль над ситуацией, он мог защитить свою спутницу, мог поддержать ее, и это почему-то было бесконечно важно.

Он предпочел бы, чтобы они поехали на его машине, однако эту машину еще предстояло найти, поэтому пришлось довольствоваться автомобилем Риммы – типично женским кроссовером, такие Данилу всегда напоминали робо-версию морских свинок.

Хотя водила она неплохо, и это упрощало ситуацию. Да и в технике разбиралась... Мысли об этом невольно вернули его к вопросу, который остался не у дел из-за суеты вокруг больницы. Но теперь, когда они отъехали от дома, любопытство снова напомнило о себе.

– Слушай, а как ты вообще включила мой ноутбук? – растерянно спросил Данил.

– Ну, взяла и включила, в чем сложность-то? Ты же был не против!

– Да я и сейчас не против, я просто удивляюсь: как ты сделала это, не зная пароль?

– Он у тебя, прямо скажем, не на уровне британской разведки! – рассмеялась Римма. – Я понимала, что могу спросить тебя, когда ты выйдешь из душа, но мне было скучно ждать, и я решила сама испытать пару вариантов. Сначала, как водится, я попробовала от одного до шести, но этот трюк не сработал. Тогда я ввела твой день рождения – и вуаля! Не самый изобретательный ход. Ты хоть знаешь, что это один из самых распространенных вариантов пароля? Хакером не нужно быть!

– Да, хакером быть не нужно, нужно просто знать, когда у меня день рождения. Откуда ты знала?

На этот раз она ответила не так быстро и беззаботно, да и ее улыбка чуть померкла.

– Да он там был, на столе!

– На каком еще столе? Мне нет смысла записывать свой день рождения, я и так его знаю.

– Я не говорю, что ты его записал, там просто лежала открытка тебе на день рождения, я посмотрела на дату – вот и весь секрет!

Она была смущена, это чувствовалось. Вот только чем? Тем, что прочитала письмо – или тем, что скрывала от него правду? В принципе, открытка и правда могла быть. Из всех, кого он знал, таким развлекалась только его мать, но уж она – каждый год. Ее стараниями на столе действительно могла оказаться открытка с подписанной датой.

Да, должно быть, так и было. Откуда еще Римме может быть известен день его рождения?

Они добрались до дома Вест, и размышления о странностях его спутницы пришлось отложить.

Самопровозглашенная ведьма жила вовсе не в избушке на курьих ножках и даже не в зловещем замке. Вест принадлежала квартира в квартале симпатичных кирпичных новостроек – домиков по четыре-пять этажей. Данил и сам когда-то к ним присматривался, но решил, что старые дворы ему дороже. Зато тогда он узнал, что квадратные метры здесь стоят неслабо, так что деньги у служительницы мистических сил определенно водились.

– Пока не вижу стаи черных ворон или портала в другой мир, – заметил он, выбираясь из машины.

– Очень смешно! Главное, чтобы мы Вест здесь увидели... Я могу позвонить ей.

– Думаю, это плохая идея. Ты ведь сама сказала, что она бросила трубку, значит, не сильно тебе рада.

– Она ведь знает, что мне известен ее адрес!

– Да, но ожидает ли она тебя прямо сейчас, да еще и со мной? Вот и проверим!

– Куда ж мы денемся, – вздохнула Римма.

Данил не боялся этой встречи. Как ни странно, он больше не исключал, что Вест – ведьма. В последние сутки произошло столько чертовщины, что он готов был поверить в любое объяснение, лишь бы оно было!

Ведьма и ведьма, что с того? Она явно привыкла действовать исподтишка: нападать сзади, проклинать издалека. Теперь Данилу было любопытно, как она отреагирует, столкнувшись с ними лицом к лицу.

Они подошли к нужному подъезду, остановились у домофона, и Римма, сделав глубокий вдох, набрала номер квартиры.

3. Кровавая Мэри

Ответа не было, но Римма и не надеялась на ответ. Вест могла бы догадаться, что они придут, раз сестре известен ее адрес. Естественно, сейчас она будет отсиживаться за семью замками!

– Это не значит, что ее нет дома, – отметила Римма.

– Это значит, что она не хочет нас видеть, что и понятно, – усмехнулся Данил.

Ей было непривычно находиться рядом с ним – да еще так! Он до сих пор не узнал ее. Иногда он рассматривал ее так внимательно, так пристально, что Римме казалось: вот сейчас он вспомнит, обязан! Но нет, он продолжал общаться с ней так, будто встретил только вчера.

А ведь в остальном он по-прежнему был собой, и от этого становилось только обидней. Да, внешность другая, но взгляд, но улыбка... Если это не меняется, то куда исчезает память?

Впрочем, сейчас у них были проблемы посерьезней, чем ее задетая самооценка.

– Может, все-таки позвонить ей? – предложила Римма.

– Чтобы она точно из окна квартиры сиганула? Нет уж, будем неожиданными гостями!

– Но как?

Он не стал отвечать – это оказалось и не нужно. Дверь подъезда приоткрылась, и на крыльцо с упорством муравья стала выбираться миниатюрная молодая мамочка с огромной коляской. Данил поспешил помочь ей, она рассыпалась в благодарностях, а Римма, кивая ей издали, поддержала дверь, открывая им путь в подъезд.

Квартира Вест располагалась на третьем этаже – обычная металлическая дверь, хорошая, дорогая, безо всяких пентаграмм и тайных меток. Да и откуда здесь вообще магия? Они прошли через чистый подъезд, они были в самом обычном доме, светлом, идеально подходящем для молодых семей. Если бы Вест действительно была ведьмой, разве она поселилась бы в таком месте?

Все это внушало Римме надежду, что ее сестра не совсем безнадежна, и в дверь она звонила с гораздо большей уверенностью, чем в домофон. Однако результат был один: полная тишина на другой стороне.

Вот и куда она могла подеваться? Римма даже не знала толком, кем работает сестра. Вест лишь упомянула, что у нее свободный график – и все. Тогда Римма не стала расспрашивать ее, потому что верила, что они скоро встретятся и все обсудят. Откуда она могла знать, что в подарок на день рождения получит проклятье?

Нет, она и сейчас в него толком не верила. Но после того, что она наблюдала в больнице, скептицизма у нее поубавилось.

– Думаю, придется подождать здесь, – признал Данил, когда очередная трель дверного звонка ни к чему не привела.

– Мы даже не знаем, внутри она или гуляет где-то!

– Как бы то ни было, она не сможет отсиживаться вечно, если мы останемся здесь, мимо нас она не пройдет.

– И не только она. Ты про любезных соседей не забыл? – Римма указала на окружающие их двери. – Если мы тут поселимся, через сколько они вызовут полицию? Пятнадцать минут, полчаса, час? Делаем ставки!

– Хорошо, победила. Какой у нас план В?

Этого Римма и сама не знала, но понадеялась на удачу. Она осторожно повернула дверную ручку – и та неожиданно поддалась, пропуская их в квартиру. Дверь была не заперта.

– Та-а-ак, – протянул Данил. – Одному мне это не нравится? Слишком уж похоже на ловушку!

– Перестань, я предпочитаю верить, что Вест не настолько коварна. Она все-таки моя сестра!

– Она – твоя сестра, которая меня оглушила, оставила в заброшенном подвале и предлагала тебе меня зарезать, как барана. Прошу простить мое легкое недоверие к ней! Я ведь даже не о бесовщине всякой говорю, а о том самом вызове полиции, который ты первой вспомнила. Если нас поймают внутри...

– ...Ничего нам не будет, – прервала его Римма. – Я ведь ее сестра, забыл? Я имею право находиться здесь.

– О частной собственности никогда не слышала?

– Так я же не рейдерский захват устраиваю! Я позвонила сестре, она не ответила, я забеспокоилась, и вот я здесь. Чем не версия?

– Сойдет, – кивнул Данил. – Хочешь, я пойду первым?

– Да нет, я справлюсь.

Новый дом, тихий уютный двор, чистый подъезд – все это успокоило Римму, позволило ей поверить, что дела Вест не так уж безнадежны. Но оказалось, что она рано расслабилась. Это стало ясно после первого же шага в квартиру.

Здесь все вокруг было темным, черным или серым, мрачным, странным. Стены без штукатурки были выкрашены черной краской, потолок – тоже, пол выстелили темной плиткой. Нормальной мебели Римма вообще не видела, только какие-то сундуки и ящики. Люстры и даже лампочек в квартире не оказалось, вместо них к потолку на прозрачной леске была подвешена та дрянь, которой в квартире вообще не место: высушенные птичьи крылья, вороньи гнезда, льняные мешки с сальными пятнами, плохо обработанные шкурки крыс. В воздухе застыл тяжелый запах: пыль, травы и едва уловимая вонь гниения.

– Ничего себе, – присвистнул Данил. – Похоже, у твоей сестры начался сдвиг подвижного состава с рельсов – и довольно давно.

Тут он был прав. Ремонт Вест сделала не меньше года назад, краска засохла, запах строительной отделки выветрился. Все это не было представлением для гостей, хозяйка квартиры жила в такой обстановке... или нет? Как здесь вообще можно жить?

– Нужно осмотреться, – тихо сказала Римма.

Привычного освещения в квартире не было: Вест не повесила люстры, удалила лампочки и даже выключатели. Массивных свечей вокруг хватало – и на полу, и на сундуках, но трогать их Римма не собиралась. Воск этих свечей казался ей непривычным, странным, и она понятия не имела, откуда он взялся.

В голову сами собой лезли неприятные, колючие мысли: «И это моя сестра! Когда она сошла с ума? Как? Была ли она такой всегда? Должна ли я была помочь ей – и могла ли помочь? Что если я тоже стану такой?!»

Ей потребовалось немало усилий, чтобы успокоиться, раздавить в себе гнетущее чувство вины. Да, Вест ее сестра – причем старшая сестра. Четырнадцать лет назад Римма не бросила ее, а бежала прочь из родного города, чтобы спасти собственную душу. Она бы вернулась и помогла, если бы ее попросили. Так ведь никто не просил! Общая кровь – это не обязанность, нельзя следить за каждым из родственников, живущих в разных городах. Вест, никогда и ни в чем себе не отказывавшая, сама выбрала свою судьбу. Теперь в эту судьбу были втянуты Римма и Данил, и им оставалось лишь справляться с последствиями.

Если прихожая была жуткой, то единственная комната – совсем уж потусторонней. Окна оказались заблокированы листами фольги, чтобы никто не смог рассмотреть, что творится внутри. С внутренней стороны фольга еще и была выкрашена в черный цвет – не выбиваться же ей на общем мрачном фоне! Тут, помимо уже привычных сундуков и свечей, были еще и стеллажи из грубо сколоченных досок, а на них хранилось очередное подтверждение помешательства Вест.

Книги – ведьминские, сатанинские, оккультные, рядом с ними – карты и фигурки богов со всего мира. Несколько видов мела, но не такого, как можно купить в магазине, а странной формы, как будто самодельного. Глиняные фигурки человечков. Иголки и шприцы. А еще – зеркала, очень много зеркал: на полках, на стенах и даже одно на потолке. В общем сумраке Римма то и дело шараялась от собственного отражения в них.

Пока она осматривала гостиную, Данил перешел на кухню и оттуда позвал свою спутницу:

– Думаю, тебе стоит это увидеть!

– Что там?

– Доказательство того, что наши дела куда хуже, чем мы могли представить.

Спорить с ним было сложно: гостиная была приютом сумасшедшей, а кухня напоминала жертвенный алтарь. Грязный стол был заляпан темными пятнами какой-то вязкой жижи. Плита оказалась закопчена, и вместо нормальной посуды на ней стоял чугунный котел. Там, где другие люди хранили продукты, Вест держала бутылки и колбы с непонятными растворами, коробки с травами, а еще – банки с насекомыми, не все из которых были мертвы.

– Это что, сороконожки? – поразился Данил, рассматривая сосуд с извивающимися созданиями. – Крупные, зараза! Где она их взяла?

– Ты знаешь, это меня интересует меньше всего! Найти такую дрянь несложно, но зачем искать? Да елки...

Открыв очередной шкафчик, Римма обнаружила большую коробку из прозрачного пластика, разделенную на отдельные отсеки – в таких нормальные женщины хранят мелочи для рукоделия, а нормальные мужчины – рыболовные снасти. Но Вест определенно не относилась к нормальным людям: она хранила волосы, причем, судя по оттенкам, чужие. На первый взгляд, в ее коллекции было несколько десятков прядей, а может, и того больше.

И все это – свечи, насекомые, человеческие волосы и ритуальные ножи, – находилось в самой обычной квартире. Слышимость в доме была предсказуемо хорошей, и Римма без труда различала, как бегают дети этажом выше и как спорит о чем-то семейная пара под квартирой Вест.

Знают ли эти люди о том, что находится рядом с ними? Догадываются ли? Конечно, нет, такое здоровому человеку в голову не придет. Там, наверху, каждый вечер укладывают детей, даже не представляя, что под ними, возможно, кого-то проклинают и желают смерти! От мыслей об этом становилось совсем уж тоскливо.

– Ну и что теперь? – тихо спросил Данил. – Вызываем полицию?

– Полицию? И что ты им скажешь?

– А всего этого недостаточно?

– Представь себе, нет, – вздохнула Римма. – Кто мне только что рассказывал про частную собственность? Она ведь не делает ничего противозаконного!

– Но это не нормально!

– Есть разница между законным и нормальным. Это ее квартира. Она портит чужую собственность? Нет. Она создает опасность окружающим? Нет.

– Этого мы не знаем наверняка!

– Раз соседи еще не подожгли ей дверь, вряд ли.

– Ну а это? – Данил указал на копошащихся в банке насекомых.

– Они же изолированы. Я б сейчас не отказалась узнать, для чего они ей, что она вообще затеяла!

У их бабушки, считавшей себя ведьмой, в домике тоже был уголок, где хранились травы и всякие непонятные статуэтки. Для Риммы, тогда еще маленькой девочки, они были настоящим сокровищем, но ей строжайше запрещалось касаться их. И все равно тот скромный уголок не шел ни в какое сравнение с тем, что было собрано здесь!

Нельзя сказать, что Вест совсем уж обезумела и тащила в дом всякий хлам. Присмотревшись внимательней, Римма обнаружила, что книги в ее доме дорогие, свечи тоже не в первом попавшемся магазине куплены. Вест точно знала, что делает, но от этого становилось только страшнее.

Ведь если она – настоящая ведьма, то и проклятье у нее настоящее, правильно?

Данил был поражен всем этим не так, как Римма, но чувствовалось, что и ему не по себе.

– Хорошо, мой план с полицией ты раскритиковала. А свой у тебя есть?

– Нужно найти, где она живет, – отозвалась Римма, продолжая изучать кухню. От всего, что она видела вокруг, ей становилось тошно, но обратного пути уже не было.

– В смысле – где живет? Разве не здесь?

– Так ведь очевидно, что не здесь! Ты здесь где-нибудь кровать видишь? Или вот посуду, подходящую для еды, а не для адского варева? Вест себя любит, она не станет спать на газетке и есть куриные косточки.

– Но ведь она дала тебе именно этот адрес, – напомнил Данил.

– Да, а еще она меня прокляла. Это как бы намекает, что отношения у нас не самые доверительные.

Вест не только дала ей адрес, она еще и оставила дверь открытой. Все это напрягало Римму, но уйти она и правда не могла, ей нужно было найти хоть какую-то подсказку. Потому что если проклятья нет, она всегда может вернуться в Москву и забыть об этом кошмаре.

А если оно есть?

Квартиру нужно было проверить по второму кругу, и они разделились: Данил направился обратно в гостиную, Римма вернулась в прихожую. Остаться на кухне не хотелось никому.

Да и прихожая была не самым приятным местом. Римма сто раз пожалела, что не взяла с собой перчатки – но откуда она могла знать, что они понадобятся? Теперь ей приходилось довольствоваться тонким носовым платком, через который она касалась сундуков, открывая их. Доски оказались покрыты чем-то липким, и ткань приклеивалась к ним все сильнее.

Содержимое сундуков тоже надежды не внушало: птичьи скелеты, обрывки бумаги с едва различимым текстом, садовые инструменты, покрытые землей, ржавчиной и чем-то еще, о чем Римме не хотелось даже думать. Раздраженная всем этим, она едва не сдалась, и ей потребовалась вся сила воли, чтобы продолжить осмотр этого хлама.

Но ее усилия наконец увенчались успехом: среди ведьминского барахла обнаружилось нечто настолько нормальное, что в таком окружении оно смотрелось диким. Из очередного сундука Римма извлекла ключ с желтой биркой, современный, не оплетенный паутиной и не заляпанный кровью. Уже хорошо!

Ключ был слишком маленьким, чтобы открывать квартиру, и слишком простым, чтобы отпирать сейф. Бирка на нем давала нужные ответы: она указывала, что ключ принадлежит почтовому отделению, он дает право использовать абонентский ящик.

– Ты вот это видела? – прозвучало у нее за спиной.

Римма, отвлеченная на ключ, не услышала, как к ней подошел Данил, и теперь он застал ее врасплох. Она вскрикнула, отшатнулась и чуть не упала в один из сундуков – а приземлиться на голубиные косточки было бы не слишком приятно.

– Ты что творишь? – возмутилась Римма. – Зачем подкрадываешься? Меня уже родная сестра до инфаркта довести пытается, а тут еще ты!

– Да никто к тебе не подкрадывался, совсем дерганая стала!

– Как будто у меня нет причины! Господи, где ты взял эту дрянь?

В руках Данил держал человеческий череп, настолько старый, что он не заинтересовал бы и полицию. Кости пожелтели, стали хрупкими, и не приходилось сомневаться, что они десятилетия провели в земле. Получается, Вест докатилась до расхищения могил? Или она спон-

сирует местных черных копателей? И то, и другое было одинаково плохо, но помочь им этот череп никак не мог, а значит, смысла трогать его не было.

– Положи, где взял, – поморщилась Римма.

– А смысл? Она и так узнает, что мы здесь побывали.

– Вряд ли это ее испугает.

– Я и не надеюсь ее испугать, я просто говорю, что нет смысла сохранять ту жалкую пародию на порядок, которую создала твоя сестрица. А еще смотри, что я нашел.

Он опустил череп в ближайший сундук и протянул Римме большой лист бумаги, сложенный вчетверо. Похоже, бумага хранилась так не один десяток лет, но отменное качество спасло ее от обветшания. Развернув лист, Римма обнаружила, что перед ней гравюра.

А точнее, портрет девушки, молодой, красивой и бесконечно печальной. Она сидела у окна – в простом платье, с распущенными волосами, не дворянка и не крестьянка, просто незнакомка. Она не делала ничего особенного, всего лишь смотрела вдаль, в окно, но окно это было закрыто тюремной решеткой.

Под портретом стояла подпись – имя, но имя модели, а не художника.

– «Кровавая Мэри», – указал Данил.

– Так, тихо! – поспешила прервать его Римма.

– Ты-то чего засуетилась?

– Потому что мы в доме ведьмы, на нас, возможно, проклятье, связанное с городскими легендами, а перед нами – одна из них... Действительно, чего это я засуетилась?

– Ну да, про Кровавую Мэри слышал даже я, – признал Данил.

– Да тихо ты! Ты что, меня не слушаешь?

– А ты пока ничего особо ценного и не говоришь.

– Я тебе говорю главное: нельзя произносить ее имя три раза! А ты произнес уже два раза, все, финишная черта! Говори о ней просто «она», понял?

– Да понял я, понял, не суетись!

Римма прекрасно понимала, как нелепо звучат ее слова, как смешно смотрится ее неподдельный страх. Она, взрослая современная женщина, испугалась каких-то нелепых и бессмысленных суеверий!

Но она ничего не могла с собой поделать, слишком многое изменилось за последнее время. Если никакого колдовства нет, то ее предосторожность никому не навредит. Но что если оно есть? Тогда появление Кровавой Мэри может стать бедой, к которой они не готовы!

Вот только Данил относился к этому иначе, он продолжал рассматривать портрет печальной красавицы без тени страха.

– Хорошо, она так она. Кем она была, напосми? Я, знаешь ли, как-то отдалился от страшилок из пионерлагеря, память уже не та! Вроде бы, кем-то из особо жестоких королей?

– Есть и такая версия. Вообще, существует несколько легенд про Кров... про нее, – быстро исправилась Римма. Данил указывать на оплошность не стал, он лишь бросил на собеседницу многозначительный взгляд. – Да, кто-то говорит, что она была королевой. Но я в детстве слышала другую историю, а значит, и Вест тоже, потому что эти истории нам рассказывал один человек.

– Кем же она была для вас?

– Ведьмой, которую обвинили в колдовстве и приговорили к сожжению на костре. Страдание наполнило ее такой злобой, что она и после смерти не обрела покой. Если трижды произнести ее имя, она явится разгневанным призраком, способным лишь на разрушение.

– Что-то мне подсказывает, что сожгли ее не зря!

– Ай, не болтай такое даже в шутку, – попросила Римма. – Мне уже всюду черти мерещатся!

– Зато твоей сестре эти черти симпатичны, раз она хранила у себя портрет Кровавой Мэри!

– И вот это был третий раз, – обреченно прошептала она.

– Упс...

Вряд ли он намеренно болтал то, что ей не нравилось. Скорее всего, Данил просто не отнесся к ее предупреждению серьезно, это было выше его сил. Как такое возможно? Какие заклинания, какие ведьмы? Он был не из пугливых – она всегда это знала. Поэтому ему, не страшившемуся вполне реальных угроз, было сложно соблюдать осторожность рядом с предполагаемым призраком.

Но так или иначе, имя прозвучало трижды, и теперь все должно было решиться.

В первую секунду в квартире воцарилась тишина: они не говорили даже друг с другом, они ждали. Эта тишина была вполне естественной и вместе с тем успокаивающей, доказывающей, что в цивилизованном мире нет места мистике и суевериям. Римма почти расслабилась, почти поверила ей... а потом она услышала хохот.

Это был смех, но не веселый – и даже, кажется, не человеческий. Высокий, оглушительно громкий, он напоминал скрежет когтей по стеклу. Римма невольно зажала уши руками, но смех не прекратился, он словно врвался прямо в ее сознание. Это было настолько невероятно, что Римма приняла бы звук за галлюцинацию, если бы Данил тоже не морщился, как от головной боли.

За смехом появилась и *она*. Она не была существом из плоти и крови – даже сейчас, невольно призванная, она не способна была сравниться с живыми. Но она была образом, белой тенью, стремительно пролетающей через воздух, холодным ветром и дьявольским хохотом. Когда она мелькала рядом, можно было рассмотреть ее лицо, и это было страшное лицо. Она едва ли напоминала печальную девушку с портрета. Скорее, это была маска вечного ожога и вечной боли, черные бездонные глаза, искаженный в последнем крике рот, седые растрепанные волосы...

Кровавая Мэри была такой, какой она являлась когда-то в ночных кошмарах маленькой Римме.

– Какого хрена?! – крикнул Данил, стараясь заглушить хохот существа. – Ты тоже это видишь?

– Мы оба ее видим, а сейчас, боюсь, мы ее еще и почувствуем!

Существо могло не быть материальным, но оно, выпущенное в этот мир, было связано с ним. Сначала на это указывал ветер, а потом, и очень скоро, прикосновения. Кровавая Мэри налетела на них, оттолкнула друг от друга, швырнула на стены и старые сундуки. Привидение было сильным – намного сильнее, чем человек. Оно выло и хохотало, его изуродованное лицо склонялось прямо над лицом Риммы, и от ужаса Римма не могла дышать.

Вот почему Вест назвала ей адрес, вот почему оставила дверь открытой. Она действительно подготовила для них ловушки, но совсем не такие, как они ожидали. Скорее всего, Кровавая Мэри была не единственной хранительницей этого мрачного места, она просто стала первой, кого они к себе подпустили.

– Как от этого избавиться? – спросил Данил. Он сейчас был где-то далеко, и Римма, отвлеченная призраком, даже не видела, где он оказался.

– Я не знаю! Я же не ведьма!

Она и правда не знала, хотя могла бы знать, должна была! Бабушка рассказывала ей и Вест одинаковые легенды, упоминала она и о том, как защититься от существ из мира иного. Но если Вест впитывала те истории, как губка, то Римма относилась к ним, как к бесполезным сказкам, и теперь поплатилась за это. В панике она не могла вспомнить ни одного способа изгнать неупокоенный дух обратно.

На ум пришло лишь одно...

– Нужно выбираться из квартиры! Она, похоже, мечется между зеркалами!

Кровавая Мэри действительно летала в воздухе не просто так, хотя понятным это стало не сразу. Она вырывалась из одного зеркала, пролетала через воздух и скрывалась в другом зеркале. Так ведь и в легенде говорилось, что призывать ее нужно через зеркало! Понятно, почему Вест собрала их так много.

Но в коридоре зеркал не было, а значит, сейчас важнее всего было покинуть квартиру.

Вот только призрак не собирался их отпускать. Как только Римма сказала, что нужно бежать, Кровавая Мэри прекратила выжидать, она напала. Причем напала она на ту, кто осмелился ей противостоять, а не на того, кто ее вызвал.

Она перехватила Римму за волосы, дернула с такой силой, что та не устояла на ногах, и потащила за собой. Хватка у нее была ледяной, нечеловеческой, от нее веяло сыростью и прохладой раскопанной могилы... Римма никогда не считала себя слабой, она тренировалась, она держала себя в форме, но всего этого было недостаточно, чтобы освободиться. Она пыталась перехватить руку, сжимавшую ее волосы, но руки просто не было! Кровавая Мэри была чистой энергией, а не охотящимся зверем, и эта энергия теперь хотела ее убить.

Нападение на Римму давало Данилу выбор, причем выбор заманчивый. Он мог рвануться к двери, пока призрак отвлечен, и выбежать из квартиры. Почему нет? Перед лицом смерти каждый сам за себя! Он ведь даже не узнал Римму, не вспомнил их любовь, для него она была никем, так зачем рисковать ради нее?

Но тот Данил, которого она когда-то любила, так бы не поступил, и этот – тоже. Он перехватил Римму за руку, стал между ней и Кровавой Мэри, он словно оттолкнул от нее призрака собственной душой. Существо в саване с воем скрылось в зеркале, а Данил, поддерживая свою спутницу, повел ее к двери черной квартиры.

Чувствуя, что проигрывает, призрак впал в ярость. Одно из зеркал разлетелось на мелкие осколки – и эти осколки градом посыпались на них. Звон, вой, хохот – все это сливалось, сбивало с толку, разрывало последнюю связь с реальностью. Они, еще недавно циники, могли умереть из-за того, во что не верили!

Их спасло лишь то, что квартира была маленькой, а дверь они так и не заперли. Теперь они сумели быстро ее открыть и буквально выпали в коридор, закрывая дверь за собой. Спустя секунду Римма услышала, как по той стороне с силой бьют острые осколки зеркала. И все же ее теория оказалась верной: призрак не последовал за ними.

Они спаслись.

Римма и предположить не могла, что когда-нибудь будет так рада лежать на холодном бетонном полу подъезда. Означает ли это, что она сошла с ума от ужаса? Если и так, то их уже двое – она услышала, как Данил, лежащий на полу рядом с ней, тихо смеется. Это был не веселый и не торжествующий смех, скорее, легкий – просто способ хоть как-то выразить радость от того, что они оба живы.

– Прорвались! – заявил Данил.

– А были на волоске! – хмыкнула Римма.

Он перестал смеяться и приподнялся на локтях, чтобы посмотреть на нее. И снова у него был тот взгляд, который Римма уже не раз замечала: взгляд человека, который хочет вспомнить что-то и не может, и ускользающее воспоминание злит его.

– У меня такое ощущение, что это все уже было, – нахмурился Данил.

– Что было? Наш побег от кровавого призрака?

– Нет, не совсем, но... Было что-то в этом роде! Как будто я и ты сбежали, потом смеялись, и я сказал что-то похожее, а ты ответила мне почти так же...

Он что, издевается? От удивления Римма только и могла, что молча на него смотреть, ожидая подвоха.

Конечно, это было! Когда они встречались, как он мог забыть? Они поехали на дачу к его родителям, она сказала, что ей нравится шиповник, цветущий на соседнем участке. И тогда Данил полез через забор, чтобы сорвать ей цветок! Она его отговаривала, да только все без толку, когда он что-то решал, никакой глас рассудка не мог пробиться через его упрямство. Впрочем, она и сама не видела ничего по-настоящему криминального в одном сорванном цветке.

Они были уверены, что хозяина участка, угрюмого и неразговорчивого дедка, просто нет дома, потому что в окнах не горел свет. Но старик застал их врасплох, и к переговорам он был не расположен. Они вынуждены были бежать от него, и тогда он казался им, еще пятнадцатилетним, не меньшим чудовищем, чем Кровавая Мэри.

Но они удрали, перелетели через забор, упали на влажную траву, смотрели друг на друга и смеялись...

Вот и как он мог забыть? Римма понимала, что это, конечно же, не самое полезное и ценное воспоминание в его жизни. Но оно все равно важное! Такие моменты, короткие, не слишком серьезные, и переплетаются в настоящую жизнь. У них был тот сумрачный сад, а они были друг у друга. Да в своей взрослой жизни, яркой и успешной, Римма не была так счастлива, как в том укутанном сумерками саду!

Первая любовь вообще не должна забываться, какой бы она ни была. Она может быть счастливой, а может – не очень, однако она всегда уникальна, как и все новое. Постепенно боль и разочарование забываются, их несложно отпустить, и в душе остается только самое светлое, то, к чему так приятно возвращаться после очередного болезненного удара взрослой жизни.

И у Риммы это было – а у Данила, получается, не было? Или для него первой любовью стала не она?

Сначала она пыталась подыгрывать ему, не напоминать о том, кто она такая, втайне надеясь, что он вспомнит сам. Но теперь он по-настоящему задел ее за живое: значит, он просто выбросил память о них обоих, как мусор?!

Она готова была высказать ему все это, однако попросту не успела: в подъезде начали одна за другой открываться двери, и очень скоро их окружили недовольные соседи. Они собирались на лестничной площадке, спускались с этажей выше и поднимались с этажей ниже. Они смотрели на Римму и Данила так, как, пожалуй, и полагалось смотреть на двух незнакомцев, валяющихся на полу возле чужой квартиры.

Они были возмущены, но не напуганы, и вот это по-настоящему поражало Римму.

– Вы кто такие? – требовательно поинтересовалась глубоко беременная женщина. – Что вы здесь забыли?

– И что за грохот вы устроили в квартире? – поддакнул ей тщедушный мужичок, стоящий за ее спиной. – Вы что-то разбили?

– Вы воры?

– Вы взломщики?

– Наркоманы?!

– Безобразия, во что превратился дом!

Все это начинало напоминать озлобленную толпу с вилами и факелами, готовую преследовать чудовище до самого леса. Но, как ни странно, злость людей, самых обычных людей, позволила Римме окончательно прийти в себя, отгоняя остатки наваждения.

Данил тоже оправился, он первым поднялся на ноги и помог встать своей спутнице. Теперь, когда он был очевидно выше и сильнее многих собравшихся, нападки звучали уже не так громко.

– Да погодите вы! – велел Данил. – Нет, не воры, не наркоманы, не убийцы и так далее.

– Что за грохот вы там устроили?! – допытывалась беременная, явно представлявшая здесь глас совести.

– Вы слышали только грохот? – уточнила Римма. – А вой? Или хохот?

– Только ваш дурацкий смех в коридоре! Наркоманы!

– То есть, вы не слышали никого, кроме нас?

– Хватит тут галлюцинации свои рассказывать! – возмутилась пухлая женщина лет сорока. – Я живу прямо под вами, все прекрасно слышу! Думаете, я не слышала, как вы вошли? Слышала, каждый шаг! Потом вы бегать начали, потом – стекла бить. И вы скажете, что вы не наркоманы?!

Римма и Данил растерянно переглянулись, он чуть заметно пожал плечами. Вряд ли соседи так дружно притворялись, да и зачем им? Они действительно слышали только их!

Получается, Кровавой Мэри для них попросту не существовало, и леденящий душу вой звучал лишь в сознании незваных гостей.

– Я сейчас полицию вызову! – пригрозил пожилой мужчина. – За взлом!

– Да не было никакого взлома, здесь живет моя сестра, Веста! – заявила Римма. – Я пришла навестить ее, вошла, потом мне послышался какой-то хохот, я резко повернулась и опрокинула зеркало. Все, вот вам и весь грохот!

– Семь лет несчастья, – услужливо подсказала пухлая женщина.

– Ага, спасибо, начну завещание писать!

– А ржали вы тут почему? – подозрительно осведомилась беременная.

– Не ржали, а смеялись, – холодно поправил Данил. – Радовались тому, что зеркало никого из нас с головой не накрыло. Я вообще имею необъяснимую привычку радоваться тому, что не умер.

– Как у такой хорошей девочки, как Весточка, может быть такая родня?

– Да не родня они! Полицию надо звать!

– Правильно, звоните!

– Нет у нас времени ни на какую полицию, – отмахнулся Данил. – Если хотите, вызывайте, описывайте, кого вы видели, пусть разыскивают нас. Но сначала придумайте, в чем нас обвинить, а то сами будете платить штраф за ложный вызов. До скорого!

Он первым двинулся к выходу. Если его и хотели задержать, то просто не решились: он напоминал ледакол, расчищающий себе путь среди айсбергов. Он был слишком высоким, слишком очевидно сильным, чтобы спорить с ним. Римма, воспользовавшись этим, пряталась за его широкой спиной и молча шла следом.

Праведного гнева жителей подъезда хватило лишь на то, чтобы продолжать возмущаться у них за спиной. Этим они напоминали Римме маленьких злобных собачек, твякающих с безопасного расстояния в пару шагов, но никогда не подбегающих на расстояние старого доброго пинка под зад.

Их угрозы Римму не беспокоили, она сейчас думала о другом. Если соседи и утрировали добродетель ее сестры, то не сильно. Все указывало на то, что для них Вест действительно была пай-девочкой, тихим золотцем, никогда никого не беспокоившим. Но при этом они все равно знали ее, получается, она мелькала в этой квартире достаточно часто. Это не просто обманка или попытка запугать Римму, Вест и правда много времени проводила в своем логове ведьмы!

Но разве соседям объяснишь, чем она тут занималась, ради чего приходила? Для них важно только одно: не шумела, не хамила, со всеми здоровалась. Мечта просто! Ну а то, что рядом с ними варили зелье из каких-то тараканов и птичьих голов... кто таким озадачивается? Кто заметит? И как это заметить?

Им и не нужно знать. Пожалуй, иногда неведение – это преимущество. Они бы все равно ничего не сделали с Вест, закон не дает возможности выселить кого-то за занятия черной магией. Не зная, на что она способна, они будут спокойней спать по ночам.

Римма и Данил вернулись к машине и поспешили уехать. У них не было определенной цели, просто оба понимали, что сейчас весь подъезд будет наблюдать за ними из окна, а некоторые, может, еще и фотографировать.

Римма свернула на соседнюю улицу и остановилась на парковке возле супермаркета.

– Как думаешь, они записали номер машины? – с улыбкой поинтересовалась она.

– Шутишь? Ты должна не спрашивать, записали ли они номер, а гадать, сколько человек это сделали. Думаю, в ближайшие сутки они будут гордо сжимать эти писульки в потных кулачках, ожидая, когда же придет полиция и начнет расспрашивать о нас.

– А с чего это полиции про нас расспрашивать?

– Ну как же? Мы ведь подозрительные личности, – подмигнул ей Данил.

– Это точно! Мы с тобой – да, Вест – нет, но вернемся все-таки к ней. Что это было там, в квартире?

– Та, чье имя я больше никогда в жизни не произнесу!

– Да? А ты уверен в этом?

– Это еще что должно означать? – изумился он.

Появление Кровавой Мэри казалось лучшим доказательством того, что магия и проклятья все-таки существуют. Но теперь, когда они снова оказались среди людей, когда вокруг было светло и безопасно, ситуация казалась не такой однозначной.

Тому, что произошло с ними в квартире Вест, было два объяснения.

Первое – мистическое. Вест подготовила для них заклинание-ловушку, и они каким-то непостижимым образом вызвали дух Кровавой Мэри, который попытался сделать из них фарш.

Второе – прагматичное. Вест развеяла в своей квартире какие-то галлюциногены, которые начали действовать с первого вдоха. Эта «ведьма» уже доказала, что отлично разбирается в таких веществах, когда похитила Данила. Получается, Кровавая Мэри просто почудилась им!

Все это Римма и попыталась сейчас объяснить Данилу. Он выслушал ее спокойно, не перебивая, а потом так же невозмутимо возразил:

– Она была.

– Почему ты так уверен в этом?

Вместо ответа он отклонил голову в сторону, показывая ей три кровавые борозды на своей шее. Царапины были глубокими и свежими: кровь на них только-только засохла, кожа вокруг травм оставалась красной и воспаленной.

– Твою ж налево, – нахмурилась Римма. – Может, это я тебя так? В этом... бреду, или что это там было.

– На ногти свои посмотри.

Римме не нужно было смотреть на свои ногти, она и так знала, о чем он. Чтобы оставить такие царапины, у дамочки должны быть длинные заостренные ногти. А Римма свои остригла коротко, да и лак делал их не такими острыми.

Получается, Кровавая Мэри действительно была?..

– Но почему она существовала только для нас? – смутилась Римма.

– Может, потому, что мы ее вызвали?

– Ее вызвал только ты, а бросалась она на нас обоих!

– Слушай, я и рад был бы дать тебе объяснение, но у меня его нет. Мы были в квартире сумасшедшей колдуньи, потом на нас что-то набросилось... А теперь вспомни все, что происходило раньше, и скажи, что это совершенно нормально и нам просто почудилось. Только уверенно скажи, так, чтобы я поверил!

– Не буду я ничего говорить, – буркнула Римма. У нее все еще болела голова после ледяной хватки призрака. – Ты лучше скажи, как нам быть дальше? Что делать?

– Искать твою сестрицу, что же еще? У нас уже и выбора нет!

Тут он был прав. Что бы ни произошло в квартире, оно скорее указывало на проклятье, а не опровергало его. А если так, то станет только хуже. Они не могли позволить себе расслабиться и жить дальше, потому что их прежняя жизнь долго не продлилась бы.

А значит, им нужно было все усилия сосредоточить на поиске Вест. Римма больше не имела права отвлекаться, размышляя о том, почему самый важный мужчина в ее жизни забыл ее, почему все обернулось именно так. Прошлое уже не так важно – им бы теперь защитить свое будущее!

4. Добрый самаритянин

Данил не был фанатом мистики и не стремился во всем искать следы паранормальной активности. Но он привык верить себе и доверять своему рассудку. Поэтому он и сейчас не сомневался, что было на самом деле, а что ему привиделось. Они с Риммой обнаружили самую безумную квартиру из всех, что ему доводилось видеть, там на них что-то напало – точка. И нападения не прекратятся, если не снять проклятье.

На нем проклятье! К этой мысли ему еще предстояло привыкнуть.

– Так что делаем дальше? – спросил он.

Римма показала ему маленький ключик с ярко-желтой биркой.

– Дальше нам остается только это. Хочу проверить, что получала Вест – и почему это не должны были приносить в почтовый ящик ее квартиры.

– Это снова может быть какая-нибудь западня, – предупредил Данил. – Я уже ничему не удивлюсь!

– Может быть, но даже если это западня, то последствия проявятся позже. Я не думаю, что Вест рискнет устроить что-то в почтовом отделении! Она же не террористка, чтобы встречать меня бомбой в абонентском ящике!

– Хочется верить...

– Да ну, брось, все будет нормально, – улыбнулась Римма.

В целом, он был с ней согласен. Он еще не до конца понял, что представляет собой ее сестра, но вряд ли эта Вест была таким уж всемогущим исчадьем ада. Нет, в почтовом отделении опасности точно не было.

Именно поэтому Данил не собирался сопровождать Римму.

– Нам нужно разделить, здесь и сейчас.

– Что? – смутилась она. – Это еще что должно означать?

– М-да, прозвучало торжественней, чем хотелось бы – и чем следовало бы. Просто мне кажется, что сейчас у нас некая передышка, пауза. Ты будешь в безопасности, и ты вполне сможешь съездить на почту без меня.

– А ты что собрался делать?

– Хочу вернуть свою машину, – пояснил Данил.

– Что, надоел личный шофер? – фыркнула Римма.

– Напротив, наслаждаюсь моментом. И все равно мне не нравится настолько зависеть от тебя, нам обоим будет удобней, если в нашем распоряжении будет две машины. Это недолго, на самом-то деле. Когда ты закончишь на почте, я как раз доберусь до машины. Встретимся возле твоего отеля, там и решим, что делать дальше.

Он не привык быть пассажиром – не только сейчас, по жизни, и машина для него была одним из символов контроля над ситуацией. Римма словно поняла это и не стала спорить.

– Ладно, договорились. Мой номер у тебя есть, правильно? Позвони мне, чтобы у меня отразился твой! Как думаешь, сколько времени это займет?

– Часа два максимум, а скорее, и того меньше. Соскучиться не успеешь! – подмигнул ей Данил.

До склада, на который его заманила Вест, и правда было недалеко. На такси он и вовсе добрался бы туда за двадцать минут, но связываться с таксистами ему сейчас не хотелось: про них сложено куда больше городских легенд, чем про автобусы.

Поэтому Данил предпочел проехать пару остановок на общественном транспорте, а потом пройти. Ему всегда легче думалось во время прогулок, а сейчас ему было о чем подумать!

В первую очередь – о том, как он вообще оказался втянут во все это. Просто потому, что Вест выбрала ее случайно? Ее квартира намекала, что она достаточно безумна для этого, и все же Данил никак не мог поверить, что причины действительно нет. Если он никак не связан с сестрами Корниловыми, то почему в его отношениях с Риммой все так странно?

Почему в его памяти то и дело мелькали образы, которых быть не могло? Почему голос Риммы откуда-то издалека произносил фразы, которые ничего не значили?

Заедешь за мной в семь, хорошо? А вернуться нам надо до десяти!

Ты ненормальный? Папа же нас убьет!

Мне не обязательно возвращаться домой... Пусть ругаются, мне все равно. Я люблю тебя.

Порой голос звучал все громче, и Данилу становилось сложнее отстраняться от него. Что это, часть проклятья? Или легкое помешательство, подаренное бессонными ночами? Но если все это просто галлюцинации и миражи, то почему Римма иногда так странно смотрит на него, будто ждет чего-то? Или ему только чудится? Он пока не знал, как это понимать, что делать с этим, и решил просто плыть по течению, сосредоточиться на том, что сейчас важнее всего. На выживании, например!

Его машина дожидалась его там, где он и оставил ее. Да и что могло произойти за день? Судя по следам в грязи, здесь даже никто не проезжал! Вест выбрала идеальное место, чтобы напасть на него.

Данил и теперь не собирался расслабляться, но он не удержался, прошелся к складу, чтобы посмотреть, было ли там хоть что-то важное. Да ничего! Предполагаемое хранилище нового оборудования, на которое он ехал посмотреть, на деле оказалось сараем, запертым на ржавый замок. Как он вообще мог попасться на такой примитивный трюк? Только потому, что звонила женщина и он посчитал, что она не может быть опасной?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.